

**Военные
Приключения**

ОХОТА НА "ТРОЯНСКОГО КОНЯ"

ВИКТОР НОСАТОВ

Военные приключения (Вече)

Виктор Носатов

Охота на «Троянского коня»

«ВЕЧЕ»

2020

Носатов В. И.

Охота на «Троянского коня» / В. И. Носатов — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8154-3

Первая мировая война в разгаре. Многочисленные попытки русских переломить ход кампании то и дело завершаются провалами. И дело не только в бездарности и нерешительности генералов, но и в том, что германская разведка насыщает прифронтовую зону бесчисленными агентами и усиленно ищет предателей среди российских офицеров. Генерал Баташов и его коллеги делают все, чтобы отразить удары противника, но зачастую и они бессильны, ведь контрразведчикам противостоят не только германцы, но и те, кто, казалось бы, обязан защищать Россию.

ISBN 978-5-4484-8154-3

© Носатов В. И., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Глава I. Лодзь – Варшава. Октябрь – ноябрь 1914 г.	6
1	6
2	10
3	15
4	21
5	27
6	32
7	38
8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Виктор Иванович Носатов

Охота на «Троянского коня»

© Носатов В.И., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Только невежда и слепой в деле вождения армий может думать, что есть что-нибудь более важное, чем познание склонностей и характера своего противника.

Полибий

Глава I. Лодзь – Варшава. Октябрь – ноябрь 1914 г.

1

Поезд Лодзь – Варшава, набирал скорость, когда на крышу первого от паровоза вагона влез среднего роста верткий, как уж, черноволосый мужчина в сером плаще. Оглядевшись, он кинулся бежать в хвост состава. Полы плаща развевались, мешая ему прыгать с вагона на вагон, и он, сбросив его с себя, остался в коричневом пиджаке и грязно-белой рубахе, заправленной в черные брюки. Из-за пояса виднелась рукоятка револьвера.

Беглец оглянулся назад. Не видя погони, он успокоился и уже не бежал, а шел быстрым шагом, легко перепрыгивая с вагона на вагон. Человек уже приближался к середине состава, когда на крышу первого вагона с трудом вскарабкались два жандарма с револьверами в руках. Заметив это, убегающий рванул что было сил вперед и вскоре оказался в самом конце состава. Покрутившись на одном месте, он, словно одинокий волк, застигнутый охотниками, залег, готовый перегрызть им горло. Видя это, жандармы остановились и, о чем-то недолго посоветовавшись, осторожно двинулись дальше.

В это время состав, с трудом вписываясь в поворот, резко замедлил ход. Увидев поле, которое почти вплотную примыкало к железной дороге, беглец спрыгнул на свежевспаханную землю. Вслед ему запоздало прозвучали два выстрела.

Придя в себя после резкого удара о пашню, беглец кинулся бежать подальше от железной дороги. Выбравшись на большак, он остановился, чтобы перевести дух. Оглянувшись назад и увидев маячившие вдалеке рослые фигуры преследователей, он, свернув на пыльную проселочную дорогу, то бегом, то ускоренным шагом двинулся дальше. Дорога, то карабкаясь вверх, то уклончиво стелясь по пологим склонам, казалось, была нескончаемой.

Спускаясь в седловину между двумя пологими холмами, беглец заметил движущегося ему навстречу в двуколке селянина, тянувшего какую-то унылую польскую песню. Переложив револьвер за пазуху, путник вежливо поздоровался:

– Дзен добрый.

Поляк прервал песню, остановил лошадь и удивленно уставился на незнакомца.

– Не встречались ли тебе по дороге военные? – задал неожиданный вопрос путник.

У селянина округлились от испуга глаза, и он, ничего не говоря, хлестнул свою лошадь так, что та с ходу пустилась в галоп. Но эта предосторожность не спасла поляка. Глухо прозвучал выстрел, и он, качнувшись вбок, свалился в пыль. Двуколка остановилась.

Беглец, не теряя времени, переделся в одежду селянина, и, оттащив труп подальше от дороги, быстро взгромоздился на коляску.

Напуганное выстрелом животное, упрямо топталось на месте, не желая везти чужака. Как только ни понукал он строптивую животину, но конь не хотел идти ни в какую. Занятый борьбой с животным, беглец не сразу заметил спускавшихся с возвышенности преследователей.

Заметив опасность, он сначала хотел поскорее драпануть, тем более что, успокоившись, конь уже поддавался управлению, но видя, что его заметили, смело направил свою повозку навстречу преследователям.

– Старик, – обратился один из жандармов, поравнявшись с путником, – ты не видал человека в коричневом пиджаке и черных брюках?

– Видал, господин, – испуганно ответил «селянин», поправляя на голове пропыленную, выдавшую виды конфедератку и останавливая двуколку. – Он пробежал мимо, даже не поприветствовав одинокого путника.

– Торопился, гад, – зло промолвил второй жандарм. – Ну, ничего, теперь мы его быстро нагоним, – добавил он, и, попросившись с путником, преследователи двинулись дальше.

Беглец,ждавшись, когда жандармы замедлят ход, поравнявшись с глубокой вымоиной, неторопливо прицелившись, выстрелил сначала в одного, затем в другого. Не ожидавшие нападения с тыла люди в кожанках даже не успели вскрикнуть и тут же как подкошенные свалились в промоину.

Закидав преследователей ветками и травой, беглец, не торопя коня, направил двуколку в сторону железной дороги. Выбравшись на большак, тянущийся вдоль полотна, он, насвистывая вальс «Сказки Венского леса», неспешно поехал в сторону небольшого городка Лович.

Вскоре под звуки колоколов, созывающих паству к обедне, он въехал в тихое и ничем не примечательное селение. В центре малолюдного городка, в окружении странных каменных зданий самой вычурной формы, перед его глазами неожиданно предстала многолюдная рыночная площадь, довольно редкой треугольной формы, со старинной ратушей, стоящей на отшибе. Казалось, что война обошла этот невзрачный уголок Царства Польского, стороной. Здесь, словно в добрые старые времена, хитрые торговцы наперебой предлагали свои товары, а меж лавок сновали местные модницы в ярких национальных костюмах.

Беглец быстро нашел покупателя и, не торгуясь, продал ему свой экипаж. Зайдя в лавку, он сменил всю одежду, затем в еврейской цирюльне сбрил двухдневную щетину и только после этого, благоухая сиреневым ароматом, направился в западную часть города.

В добротных полуботинках, сером костюме, из-под которого выглядывала яркая голубая рубашка, заправленная в коричневые штаны, человек уже не походил на того пропыленного и уставшего от дальней дороги путника, который час назад въехал в Лович. Словно по мановению волшебной палочки, он преобразился, превратившись из сгорбленного старика в цветущего мужчину, чуть выше среднего роста, черноволосого, с темными живыми глазами. Круглое, покрасневшее на солнце лицо и прямой, средних размеров нос говорили о его явно тевтонских корнях, что не могло не вызывать у поляков доверия. Это было видно по тому, как он общался с встречавшимися на пути самыми разными людьми.

Прекрасно ориентируясь в переплетении узеньких улочек, человек вскоре вышел к двухэтажной гостинице, окна которой выходили на оживленную площадь со старинным костелом, приотвившимся между площадью и полноводным каналом, несущим благодатную прохладу в центр города. Обменявшись несколькими ничего не значащими словами с портье, открывшим дверь, незнакомец направился на второй этаж гостиницы. Дойдя до своего номера, он остановился. Внимательно осмотрев по периметру дверь, он вставил в замочную скважину ключ и медленно повернул его два раза. Открыв дверь и пройдя в небольшую комнату, в которой размещались стол, два стула, шкаф и кровать, он внимательно осмотрел мебель, и только после этого прилег на застеленную застиранным покрывалом кровать, внимательно прислушиваясь к неспешным шагам, изредка доносящимся из коридора. Успокоившись, человек устало потянулся, зевнул во весь рот и, вскоре смежив глаза, беззаботно захрапел...

Накануне этого события в штаб армии, расположенный в Варшаве, прибыл начальник контрразведки Северо-Западного фронта генерал Баташов. Сформировав в основном контрразведывательный аппарат при штабе фронта, он перед началом Лодзинской операции решил на местах оценить деятельность КРО армий. Из своей беседы с генерал-квартирмейстером Северо-Западного фронта Бонч-Бруевичем он уяснил главное, что вот уже на протяжении нескольких месяцев сформированные на скорую руку в армейских штабах контрразведывательные отделения были предоставлены сами себе, вели работу бессистемно, спустя рукава. И, как результат этого, особых успехов в раскрытии немецкой шпионской сети не показывали. В то же время германцы владели полной информацией не только о передвижении русских войск, но и о ближайших намерениях военачальников. Анализируя состояние контршпион-

ской работы в войсках, Баташов понял, что катастрофа, случившаяся с армией генерала Самсонова, это во многом вина и армейских контрразведчиков, не сумевших вовремя выявить и уничтожить агентурную сеть немцев, окопавшуюся в тылу русских армий. Не выполнили они и свою задачу по обеспечению в штабах секретности при ведении делопроизводства и радиообмене. И, как результат этого, среди трофеев, захваченных в германских штабах при очередном наступлении, частенько попадались не только копии мобилизационных планов развертывания и дислокации русских войск, но и расшифрованные приказы из Ставки, фронтов и армий.

Особенно бурное возмущение Бонч-Бруевича вызвала берлинская газета, представленная начальником разведотдела фронта, в которой генерал с удивлением прочел буквально следующее: *«Генерал Бонч-Бруевич в настоящее время занят разработкой наступательной операции...»* Далее приводились такие подробности разрабатываемой им операции, которые были известны лишь строго ограниченному числу особо доверенных лиц. Поэтому, напутствуя Баташова накануне предстоящей командировки, генерал-квартирмейстер попросил его обратить особое внимание на сохранение в штабе армии секретов, особенно тех из них, которые касались предстоящей Лодзинской операции.

Прибыв в штаб 2-й армии и представившись командующему и начальнику штаба, Баташов сразу же поспешил к жандармскому подполковнику Зальге, возглавившему контршпионское отделение армии сразу после отступления под Таннебергом.

Высокорослый, сажень в плечах, кряжистый офицер с лихо закрученными рыжими усами и серьезным не улыбочивым лицом с самого начала знакомства вызвал у Баташова некоторую симпатию. Он хорошо разбирался в людях, а по независимому и в то же время корректному поведению контрразведчика (что было довольно редко среди жандармских офицеров) было понятно, что перед ним не просто служака, который готов делать все в угоду начальству, а думающий, грамотный и честный офицер, которому пока что не хватало опыта работы в контрразведке.

Прекрасно зная о том, что секретные документы в штабах хранятся абы как, Баташов первым делом проверил делопроизводство контрразведывательного отделения. Ознакомившись с документами, он удовлетворенно отметил, что не ошибся в своей оценке деловых качеств жандармского подполковника.

«Теперь мне понятно, – подумал Баташов, – почему, в отличие от остальных начальников армейских контршпионских отделений, козыряющих своими полковничьими погонами, Зальга все еще подполковник. Независимых и думающих в наших штабах не любят. Там подавай исполнительных!»

Еще большее доверие к этому немногословному офицеру генерал почувствовал, когда предложил ему совместно разработать и осуществить операцию по дезинформации противника.

– Зная о сосредоточении германских войск в районе Торна и не забывая стратегического замысла главковерха о выходе 2-й армии на линию Питшен – Ярочин, я предлагаю подготовить ложный приказ по армии о наступлении 2-го армейского корпуса на Познань. Вот только как нам этот приказ представить немцам, чтобы они поверили?

– У меня есть на примете матерый агент германской разведки, проходящий у нас как «Мясник», – не задумываясь предложил Зальга. – Мы разрабатываем его уже целый месяц, с тех пор, как он попался в поле нашего зрения при встрече со своим агентом, которому через нашего подставного военного были проданы несколько устаревших документов...

– Но почему «Мясник»? – спросил удивленно Баташов, более привыкший к благозвучным именам агентов, таким, как «Одиссей» или «Геракл», памятным еще со времен его контршпионской деятельности в Варшавском военном округе.

– Морда у него примечательная. Круглая, да красная, особенно, когда примет рюмку другую коньяку, – улыбнулся глазами подполковник, сохраняя на лице серьезную мину. – Под

стать ему и помощники, Куфман и Гирш, с круглыми розовощекими лицами. Последнее время эти субъекты обхаживают писаря артиллерийской бригады Ивана Греблова. Этот вояка попал нам под наблюдение, после того как несколько раз встречался с Кауфманом в трактире. Трактирщик – наш человек. Вот он и сообщил мне, что Кауфман угощал писаря за свои деньги. А два дня назад тот пришел на встречу вместе со своим подельником Гиршем, и они, хорошенько накачав водкой писаря, что-то выпытывали у него. А писарь, по словам хозяина трактира, обещал за деньги, принести им какую-то карту. Наведавшись в штаб артиллерийской бригады, я узнал, что писарчук этот занимается секретным делопроизводством и через его руки проходят все приказы и распоряжения, связанные с предстоящей операцией...

– Ну что же, мы можем через Ивана Греблова передать немецким агентам требуемое – свою дезинформацию! – многозначительно промолвил Баташов. – Только все это дело надо проделать предельно осторожно, чтобы Мясник ничего не заподозрил.

– Я сегодня же, совместно с начальником штаба артиллерийской бригады, подготовлю ложную карту расположения артдивизионов, на момент начала операции...

– Чтобы наша дезинформация выглядела более правдоподобно, на ближних к фронту позициях, которые будут указаны на карте, необходимо подготовить несколько фальшивых батарей. Так будет вернее.

– Будет исполнено, ваше превосходительство! – удовлетворенно воскликнул Залыга. – Я знаю место, где складированы подходящие для этого дела стволы. Сосновые и еловые.

Баташову понравились несуетливая готовность подполковника услужить не ему лично, а их общему делу, и особенно его отнюдь не армейский тонкий юмор.

– Я вижу, вам все понятно, – благодушно промолвил генерал.

– Точно так, ваше превосходительство!

– Тогда за дело. Только прошу вас, ни в коем случае не спугните Мясника.

– Ну что вы. Постараемся держать его на длинном чомбуре¹.

¹ Чомбур – веревка, с помощью которой привязывают лошадь.

2

Оценивая деловую хватку жандармского подполковника Залыги, который, несмотря на свои незначительные промахи и упущения по службе, во многом по причинам от него не зависящим, достаточно много сделал для борьбы со шпионажем и, главное, понимал его с полуслова, Баташов еще раз удовлетворенно подумал: «Знать не ошибся я с первого взгляда в этом неприглядном на вид офицере. Он, наверняка будет мне дельным и исполнительным помощником». Возвращаясь к текущим делам, он, благосклонно взглянув на подполковника, предложил:

– Пока вы будете готовить дезинформацию, я бы хотел поближе познакомиться с вашими сотрудниками.

– Но это осуществить сегодня довольно сложно... – нерешительно промолвил подполковник. – Большая часть сотрудников в разъездах.

– Но с вашим помощником-то я могу сегодня познакомиться?

– Как вам будет угодно. Его пригласить ко мне, или мы вместе зайдем в кабинет помощника?

– Как скажете. Но прежде я бы хотел услышать от вас отзыв о его работе.

– Ротмистр Степан Карлович Юрлов исполняет должность помощника начальника КРО с 3 сентября 1914 года. Бывший строевой обер-офицер. По прежней службе характеризуется положительно. Ведает всей перепиской, исходящей из штаба по делопроизводству контрразведывательного отделения, и большую часть времени находится в штабе. В отделении бывает утром, обычно с 9.30 до 11 часов и вечером с 9.30 до 11.30–12 часов ночи. Он готовит доклады начальнику штаба, наводит необходимые справки. Ротмистр – толковый, основательный работник, но в деле контрразведки еще малоопытен, к тому же несколько болезненный. Вместе с тем другого я бы себе не пожелал...

– Ну что же, пойдёмте посмотрим на вашего помощника, – заинтересованно произнес Баташов, вставая.

– А что делать с остальными сотрудниками, которые сегодня и в ближайшее время будут находиться в разъездах? – доверительно глядя на генерала, промолвил Залыга.

– А вы представьте мне их личные дела...

– Но вы же знаете, что дела агентов представляются лишь по официально оформленному согласию начальства...

– Будем считать, что я этот вопрос уже решил, – сухо и в то же время требовательно промолвил генерал, искренне радуясь в глубине души тому, что подполковник свою службу знает и никого другого, кроме него, к личным делам своих агентов впредь и близко не подпустит.

Залыга подошел к несгораемому шкафу, и, чуть приоткрыв дверцу, выбрал нужные папки.

– Вот эти господа находятся в командировках, – положил он перед Баташовым на стол внушительную стопку папок. – Я придерживаюсь правила: никогда эти дела из кабинета не выносить, – пояснил он, – вам лучше ознакомиться с ними здесь. Если вы не против, я приглашу ротмистра Юрлова сюда.

– Да, конечно, – согласился генерал, – делайте так, как вам будет угодно.

Через несколько минут в кабинет шаркающей походкой, привычно держа левую руку у бедра, вошел среднего роста, худощавый офицер с острым носом и узким лбом, на который свешивался светлый чуб. Расправив еле заметные на его бледном лице тонкие усики, он доложил:

– Честь имею представиться, ротмистр Юрлов, потомственный дворянин.

Несмотря на то, что упоминание о потомственном дворянстве несколько покорило Баташова, он тем не менее благожелательно взглянув на офицера, протянул ему руку.

– Подполковник Залыга довольно лестно отзывается о вашей работе, – многозначительно промолвил он, – я думаю, что и в дальнейшем буду иметь о вас такие же отзывы.

– Я за нашего батюшку царя и Отечество, если понадобится, голову положу, – выспренне провозгласил ротмистр, пронзая фанатически горящим взглядом Баташова.

– Что вы! Что вы! От вас этого не понадобится. А голова ваша нам нужна, как никогда, так что не бросайтесь больше ею, – сдержанно произнес генерал, и, мельком взглянув на Залыгу, уловил в его глазах глубоко спрятанную усмешку.

Ротмистр, не поняв тонкой иронии в словах Баташова, еще больше рассыпался в уверениях своей преданности, престолу и России.

– Ваше превосходительство, – прервал своего излишне говорливого сотрудника подполковник, – если я вам больше не нужен, разрешите удалиться?

– Идите. И дай Бог нам удачи!

– Честь имею! – четко произнес подполковник, и ладно, по-военному, развернувшись, ретировался, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Присаживайтесь, ротмистр, – предложил генерал стоящему навтыжку офицеру.

– Благодарю, ваше превосходительство, – смущенно промолвил тот, усаживаясь на самый краешек стула, стоящего у самой двери.

Баташов, раскрыв первую папку, на которой было выведено крупными буквами: «Чиновники».

«Чиновник Багров Станислав Ефимович, бывший штабс-капитан, – с удивлением прочитал он, – уволен из полка по суду чести, по его уверениям, за роман с женой товарища. По словам офицеров полка, за растрату денег офицерского собрания, хозяином которого был, а также за ряд других неблагоприятных поступков.

Разумный, но несколько легкомысленный; ловкий, с внешним лоском, нравственности несомненно условной, и пережитая катастрофа не случайность.

Работает легко и упреков пока не заслуживает, но смотрит на свое положение, как на случайное, только потому здесь, что выбит из колеи и деться некуда...»

Следующее дело было не менее интересным.

«Чиновник Пилипенко Степан Кондратьевич, бывший правитель канцелярии одного из губернаторов, уволенный от службы за растрату.

Вполне интеллигентный, достаточно образованный, с хорошим знанием французского, немецкого и польского языков, умный, опытный, мог бы принести отделению незаменимую пользу, но наряду с этим ленивый, иногда до полной апатии ко всему; опустившийся, считающий себя „бывшим“ человеком, с крайне извращенными половыми инстинктами, и поэтому ослабевший физически; он не в состоянии уже работать с должной продуктивностью и нуждается в неослабленном наблюдении и в понудительных мерах...»

«Да-а, – подумал Баташов, – с такими кадрами много не навоюешь».

– А почему, ротмистр, я молодежи что-то среди ваших сотрудников не вижу? Неужели истинных патриотов и волонтеров у вас нет?

– Как нет? – оживился одаренный вниманием генерала Юрлов. – Есть совсем еще свеженький сотрудник.

Вскочив со своего места, ротмистр покопался среди папок и вскоре вытащил на свет Божий тоненькое личное дело.

– Вот, извольте видеть, – услужливо протянул он бумагу.

«Чиновник для поручений Кандыба Афанасий Ильич, – углубился в чтение Баташов, – молодой человек, из бедной мещанской семьи, окончивший юридический факультет Киевского университета. Разумный, энергичный, с инициативой и желанием работать на пользу Отечества. Дорожит местом. Своим служебным положением удовлетворен. Это „настоящий“, а не „бывший“ человек. Полезный и желательный канцелярский чиновник, особенно в деле розыска, там, где нужна врожденная способность. Показать себя не имел случая и потому судить о нем как о чиновнике для поручений по розыску еще не представляется возможным...»

«Ну что же, хоть один работает в контрразведке по желанию, а не по обстоятельствам», – удовлетворенно подумал генерал.

– А профессионалы в вашем отделении водятся? – неожиданно заинтересовался Баташов.

– А как же, ваше превосходительство! – вскочил на ноги ротмистр. – Все мы не устаем учиться у профессионала контрразведки подполковника Петра Федоровича Залыги, – он намеренно озвучил благожелательный отзыв о своем начальнике.

– Ну, об этом я и без вас знаю, – осадил офицера Баташов. – Я хотел бы услышать о других сотрудниках, которые имеют достаточный опыт службы в контрразведке.

– Есть такие, ваше превосходительство, – обрадованно воскликнул Юрлов и угодливо выложил перед проверяющим сразу несколько личных дел, которые генерал просмотрел с большим интересом.

«Чиновник Морозко Афанасий Нилович. Вся жизнь его прошла в полиции, в охранных отделениях в качестве старшего филера, а в последующем и наблюдательного агента. Работал в провинции и в Варшаве. Опыт по части наблюдения большой, и есть не только привычка, но и любовь к этому делу. Наряду с этим, недостаточное развитие, некоторая болтливость, отсутствие выдержки и уравновешенности ослабляют его ценные качества как агента. Как чиновник, хотя и старательный, но недостаточно грамотный и развитой, и потому мало соответствует своему назначению...»

«Старший агент Серебряков Петр Вениаминович, бывший унтер-офицер полевого жандармского эскадрона, служит с 20 сентября 1914 года. Образование – 2-классное училище. В мирное время служил младшим наблюдательным агентом в Киевском контрразведывательном отделении, но был уволен за злоупотребление спиртными напитками. Получает задачи по обследованию и выяснению. В последнее время им обследуется много румынских и польских подданных, прибывших по торговым делам. Толковый агент, но для должности старшего наблюдательного агента недостаточно интеллигентен...»

Отложив в сторону документы, Баташов задумался.

«Если ближайшие помощники подполковника, за редким исключением, „бывшие люди“ и недоучки, то что говорить об остальных агентах и секретных сотрудниках?» – думал он озабоченно, складывая в стопку папки.

Неожиданно раздался стук в дверь, и, получив разрешение ротмистра, в комнату вошел среднего роста толстячок с круглым, лоснящимся личиком, небольшими черными усами и гла-

зами навывкат. Увидев в кабинете начальника отделения генерала, он замер, словно загипнотизированный кролик, перед проголодавшимся удавом.

– Вашест-во... – пролепетал ошалело он. – По вызову я, к подполковнику Залыге...

– Насколько я знаю, подполковник еще час назад вызывал к себе сотрудников, находящихся в штабе, – строго глядя на чиновника, сухо промолвил Баташов. – Где вас все это время черти носили?

– Я не виноват, я не виноват... – начал испуганно оправдываться толстяк. – Я производил допрос поляка, задержанного жандармами на станции по подозрению в шпионстве...

– Представьтесь, если вам не трудно, – уже более спокойно промолвил генерал.

– Честь имею представиться, Колодин Владимир Степанович, чиновник для поручений и по совместительству переводчик...

– Очень приятно, господин Колодин. Я думаю, мне нет необходимости, представляться.

– Никак нет, ваше превосходительство, в отделении все знают, что вы работаете у нас.

– Ну, слава богу, хоть это вы знаете определенно. Ну и что же вы выяснили у подозреваемого?

– Это не австрийский и не германский шпион, а всего-навсего торговый агент. Он приехал в Лодзь с образцами галстуков для галантерейных магазинов города...

– А зачем же его тогда задержали?

– Он довольно подозрительно околачивался у воинских эшелонов, – пояснил ротмистр, вскакивая со стула.

– И что вы теперь собираетесь с ним делать? – многозначительно глянув на переводчика, спросил Баташов.

– На усмотрение начальника отделения, – нерешительно ответил Юрлов.

– Если вы не против, я сам допрошу задержанного, – решительно предложил генерал.

Проследив за тем, как ротмистр уложил в несгораемый шкаф личные дела агентов и, закрыв дверцу на ключ, опечатал сейф, он направился за переводчиком. Следом шаркающей походкой подагрика за ними направился и Юрлов.

В небольшой комнатухе, обставленной по-тюремному просто, кроме привинченных к полу стола и двух стульев, ничего не было. Даже настольная лампа, которую попытался передвинуть Баташов, оказалась намертво прикрепленной к столу.

«Да-а, – вновь удовлетворенно подумал он, – у Залыги все здесь устроено крепко и надежно, вот только отменными результатами работы он не может похвалиться. Впрочем, как и начальники других разведочных отделений».

– Давайте сюда задержанного, – потребовал Баташов, расположившись за столом.

– Один момент, ваше превосходительство, – угодливо промолвил ротмистр, и, повернувшись к переводчику, глухо проворчал: – Ты что, не понимаешь, что задерживаешь нас?

Чиновник как ошпаренный выскочил в коридор и вскоре вернулся с задержанным. Зайдя в комнату, поляк, гордо вскинув голову, вызывающе спросил:

– Na jakiej podstawie mnie zatrzymali? Będę narzekać!²

– Czy patrzyłeś na formacje rzut³, – неожиданно ответил по-польски Баташов.

– Ja nic złego nie zrobiłem⁴.

– Jeśli nic nielegalnego nie popełnili, to cię puszczyć⁵, – пообещал генерал.

– Proszę, oddajcie mi walizkę z próbkami krawatów⁶,

² На каком основании вы меня задержали? Я буду жаловаться!

³ Вы наблюдали за воинскими эшелонами.

⁴ Я ничего предосудительного не сделал.

⁵ Если вы ничего противоправного не совершали, то я вас отпущу.

⁶ Пожалуйста, возвратите мне чемодан с образцами галстуков.

– Где находится чемодан этого господина? – спросил Баташев.

– В комнате улик и вещественных доказательств. Разрешите, я сейчас его принесу, – чиновник торопливо направился к двери и через несколько минут поставил на стол роскошный кожаный чемоданчик черного цвета.

«Для продавца галстуков эта вещь явно не по карману», – подумал Баташов, щупая мягкую, отлично выделанную кожу.

Пристально наблюдая за поляком, он открыл чемоданчик и не торопясь начал перебирать разноцветные галстуки.

Задержанный, подавшись вперед, напряжился, словно перед прыжком.

«Значит, там что-то есть», – подумал Баташов.

Выложив галстуки на стол, он начал простукивать дно чемоданчика и вскоре обнаружил там пустоту.

– У вас случайно не найдется перочинного ножичка? – спросил Баташов у ротмистра.

– У меня есть, – обрадовался переводчик тому, что наконец-то может хоть чем-то услужить генералу, и протянул ему складной ножичек.

Баташев умело прошелся краешком лезвия по шву, отвернул толстый картон и вытащил на свет божий пачку бумаг.

Что тут началось!

Поляк, позабыв обо всем на свете, упал на колени и начал на чистом русском языке умолять офицеров отпустить его, кричал о том, что это не его чемодан, что его подсунул ему какой-то важный пан.

– До выяснения всех обстоятельств уведите задержанного, – приказал Баташов, а сам с интересом начал разбирать кипу самых разнообразных бумаг, среди которых были и свежие местные газеты, и расписание движения поездов, и куча рекламных проспектов. Отобрав несколько, показавшихся подозрительными, листов, генерал попросил принести свечу. Подержав над зажженной свечой отложенные бумаги, Баташов, к удивлению ротмистра, нашел меж типографских печатных строк, проявившийся от огня рукописный текст. При внимательном рассмотрении, это оказался отчет агента о количестве проследовавших через станцию воинских эшелонов, а также о наличии на платформах артиллерийских орудиях и технике.

– Вот вам и коммивояжер... – назидательно глянув на офицеров, промолвил Баташов.

3

На другой день подполковник Залыга явился к генералу явно не в настроении.

– Ваше превосходительство, – понуро начал он, пряча глаза, – мы чуть было не упустили германского резидента.

– Мясника? Как же это вы? – осуждающе глянув на подполковника, сдержанно спросил генерал.

Залыга без прикрас, во всех подробностях рассказал о неудачной погоне, которая завершилась арестом матерого немецкого шпиона.

– По второму имеющемуся у нас адресу мы его, голубчика, и взяли. Прямо в постели, совсем еще тепленького. Момент истины позволил нам во всех подробностях восстановить всю картину погони. Ошарашенный нашим неожиданным появлением он сразу же во всем признался. Жандармы, на которых этот тип покушался, доставлены в военный лазарет. Доктор сказал, что выживут...

– Как же вы могли допустить то, что немецкий резидент ускользнет из-под вашего наблюдения? – спросил возмущенно Баташов. – Ведь он мог и не возвращаться в свой отель, и тогда вся наша операция по дезинформации противника из-за вашей нераспорядительности провалилась бы...

– Но ваше превосходительство, – попытался оправдаться жандарм, – вы же сами уже с месяц как забрали у меня самых опытных филеров в штаб фронта...

– Надо своевременно готовить новые кадры самому, а не ждать с моря погоды, – уже более сдержанно промолвил генерал. – Но с захватом этого агента нам придется ликвидировать это дело. У вас собрано полное досье на этого резидента?

– Точно так, ваше превосходительство. Сегодня же при совместном агентурном освещении и непрерывном наружном наблюдении в Лодзи были задержаны агенты немецкой разведки Захарий Куфман и Гирш Сагалов, которые неоднократно встречались с резидентом и передавали ему документы по перегруппированию армий Северо-Западного фронта, подготовленные и проданные им моими помощниками. Арестован и писарь артиллерийской бригады Иван Греблов, успевший продать подозреваемому нами в шпионстве Соломону Цукерману список руководящего состава армии и копию карты с дислокацией батарей артиллерийской бригады. После окончания предварительного следствия можно ликвидировать это дело и направлять его в суд.

– Постарайтесь, пожалуйста, осуществить все в рамках «Положения о контрразведывательных отделениях», чтобы дело о шпионаже не развалилось в суде за недоказанностью, как это еще часто у нас бывает, – назидательно промолвил Баташов.

– Я, конечно, сделаю все, что в моих силах, – доверительно промолвил подполковник, – но вы же знаете, ваше превосходительство, что и Положение, и Инструкция, и Правила по работе контрразведки, утвержденные еще в 1911 году, уже значительно устарели. Я не могу одновременно принимать все меры, для того, чтобы секретные агенты ни в каком случае не обнаруживали бы своего участия в работе контрразведки и никоим образом не выяснили своей роли на предварительном следствии и суде, и в то же время без их участия представлять доказательную базу для возбуждения уголовных дел за шпионаж. Это же бессмыслица какая-то. Отрицательно влияют на прохождение шпионских дел и общие недостатки Уголовного уложения, которое дает возможность бороться не с самим шпионством, а лишь исключительно с его проявлениями – передачей и сообщением сведений о военной обороне государства. Именно из-за этого большинство заведенных в отделении шпионских дел не доходило до суда, а арестованных агентов в лучшем случае удавалось отселить во внутренние губернии, подальше от театра военных действий. Что же касается арестованного нами резидента германской разведки,

то я вам твердо обещаю не только довести дело до суда, но и добиться расстрельного приговора. Тяжелое ранение двух жандармов – это для военного суда достаточно веское основание и без его шпионского досье. В отношении других фигурантов этого дела неотвратимости наказания я обещать не могу...

– Я прекрасно осведомлен обо всех этих казусах, – с явным сожалением в голосе промолвил Баташов, – но хочу вас обрадовать. По распоряжению Верховного главнокомандующего, идет работа над новым Положением о работе контрразведывательных отделений в военное время, где, я надеюсь, будут учтены все наши пожелания...

– Дай-то бог! Дай-то бог! – удовлетворенно воскликнул подполковник.

– Но возвратимся к нашему сегодняшнему просчету, – сухо промолвил Баташов. – Каким образом противник получит теперь нашу дезинформацию?

– Я уже думал над этим, – уверенно расправил свои насквозь прокуренные усы подполковник. – Мы подкинем им кого-то из погибших накануне солдат, переодев в форму адъютанта. По имеющимся у меня данным, против участка 2-го армейского корпуса противник накапливает силы для нанесения удара по выступу, который командующий армией генерал Шейдеман планирует с завтрашнего утра оставить. После начала артиллерийской подготовки немцев, перед тем как оставить позиции, мы и подкинем нашего «фельдъегеря». Так солдат и после своей смерти сослужит нам хорошую службу...

– Но немцы могут и не поверить, – задумчиво промолвил Баташов.

– На этот случай я приберег старого еврея Цукермана, который держит в Лодзи свою цирюльню. Я специально не стал его арестовывать, хотя сегодня, после задержания резидента, получил еще одно подтверждение о сотрудничестве этого лодзинского цирюльника с врагом. Среди своих пособников арестованный нами немец назвал и Цукермана, который имеет свой личный канал переправки информации немцам.

Генерал задумчиво кивнул.

– Не кажется ли вам, ваше превосходительство, что пора освежить свою прическу? – после небольшой паузы неожиданно предложил Залыга.

Баташов провел ладонью по буйно заросшим вискам.

– Пожалуй, вы правы, – кивнул он понятиливо головой.

Вскоре подполковник и генерал, уютно расположившись в штабном «паккарде», запылили по малолюдным лодзинским улочкам в сторону центра.

Цирюльня оказалась довольно фешенебельным и отменно благоухающим заведением, с мужским и женским залами, разделенными плотным коричневым занавесом.

Дорогих гостей встретил сам хозяин. Подобострастно прошипев:

– Прошу, пане. – Он, оценивающе взглянув на посетителей, уверенно предложил генералу свое лучшее кресло.

– Только что выписано из Парижа, – скромно промолвил он, помогая Баташову поудобнее там расположиться.

Быстро сбросив засаленную поддевку, хозяин, накинул на себя белоснежный халат:

– Дорогих гостей, русских офицеров, цирюльник Цукерман всегда обслуживает сам. Цукерман, это я.

Не обращая никакого внимания на суетливого еврея, Баташов, словно продолжая начатый в машине разговор, промолвил, обращаясь к подполковнику.

– Нужно как можно скорее передислоцировать 2-й армейский корпус к Красновице, чтобы своевременно начать на этом направлении общее наступление армии.

У подправляющего прическу мастера при этих словах неожиданно дрогнула рука, и он сильнее, чем следовало, прижал к виску Баташова холодные ножницы.

– Пся крев! – грозно рявкнул генерал. – Так ты мне всю прическу испортишь.

– *Przepraszam*⁷, пане! – испуганно пролепетал цирюльник. – *Przepraszam*, пане!

– Передайте мое распоряжение начать наступление второй армии не позже середины ноября!

– Будет исполнено, ваше превосходительство, – с подобострастным придыханием произнес подполковник, щелкнув каблуками.

Возвращаясь в штаб, Залыга, сосредоточенно покручивая свои рыжие усы, многозначительно промолвил:

– Теперь, ваше превосходительство, немцы обязательно схватят нашу наживку...

– Может быть, может быть... – задумчиво промолвил Баташов. – Но посредством резидента наша фальшивка бы выглядела куда убедительней.

– Да-а! – не стал спорить подполковник. – Сплоховал я... Виноват. Дайте срок, исправлюсь.

– Я доверяю вам и потому прошу, не ставя в известность штаб, по своим каналам проверить данные о противнике. Прежде всего это касается сосредоточению в районе Торна армейских корпусов 9-й армии. Хотя это направление и находится против 1-й армии, я хотел бы лично от вас получить эту информацию...

* * *

Занимаясь формированием контрразведывательного аппарата фронта, Баташов неоднократно наталкивался на вольное или невольное противодействие офицеров разведывательного отдела, которые презрительно именовали контрразведчиков «розыскными».

Неоднозначно складывались отношения между службами разведки и контрразведки, объединенными единой территорией, руководством и взаимодополняющим родом деятельности, прежде всего, потому, что офицеры, возглавлявшие их, как правило, располагали собственными агентурными возможностями, и нередко, действуя независимо друг от друга, видели не только успехи, но и провалы в деятельности своих коллег. Немаловажной причиной возникающих трений было и то, что представители военной разведки в большинстве своем были выпускниками Академии Генерального штаба, и принадлежали к военной элите, так называемой, «белой кости». В то же время в контрразведке в основном служили офицеры из обедневшего дворянства и мелкие чиновники, которым приходилось постоянно работать с «чернью». Генштабисты находились в состоянии постоянной конкуренции с «розыскными», и постоянно оспаривали у них право первого доклада вышестоящему начальству по всем военным вопросам. Первые итоги совместной деятельности, которые подвел для себя Баташов, были неутешительными. Они свидетельствовали прежде всего о том, что контакты руководителей разведывательных отделений армейских штабов с соответствующими отделениями контрразведки не носили характера непосредственного сотрудничества, а происходили лишь при посредничестве Особого делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. Механизм личного делового общения отсутствовал также внутри самого Военного ведомства, и его не удалось наладить даже в ходе войны.

Именно поэтому, чтобы не подводить своего сотрудника, Баташов и попросил его не информировать о своем задании армейский штаб, в который входило и контрразведывательное отделение.

– У вас есть надежные люди в Познани? – после небольшой паузы спросил Баташов.

– Так точно, ваше превосходительство.

– Это хорошо. Чтобы вы поняли всю важность и оперативность моего задания, скажу главное. В генерал-квартирмейстерскую службу фронта поступили довольно противоречивые

⁷ Прошу прощения (*польск.*)

данные. Разведчики Ранненкампа утверждают, что в районе Торна наблюдаются сосредоточение четырех корпусов германских войск, мало того, туда выдвигается и резерв⁸-й германской армии. А ваши пинкертонеры докладывают, что, кроме разрозненных частей ландвера, там никого нет. Разведка 5-й армии утверждает, что основные силы противника по-прежнему находятся в районе Ченстохов – Калиш. Кому же верить?

– Возможно, наша армейская разведка предоставила вам устаревшие данные, – попытался оправдать своих коллег подполковник, – но я сегодня же пошлю эстафету в Познань, для того чтобы ваше поручение было выполнено как можно быстрее.

– Поторопитесь, подполковник. От вашей информации в предстоящей операции будет зависеть многое. Даю вам на все про все неделю. Успеете?

– Постараюсь, ваше превосходительство! – искренне пообещал Залыга, прекрасно понимая, что от генерала Баташова во многом зависят его дальнейшая судьба и карьера.

– И еще... У вас есть агентура в Кёнигсберге?

– Да. У меня там есть надежный человек. Со своими верными помощниками он периодически предоставляет мне информацию о Кёнигсбергской разведшколе, а также о передвижениях частей германской армии по железным дорогам Восточной Пруссии.

– Очень хорошо. Поставьте ему задачу внедриться в германскую разведшколу. Накануне операции мы должны точно знать о заброске в наш тыл немецких шпионов и диверсантов. Огромный интерес для меня представляют также информация о деятельности разведбюро 8-й немецкой армии и особенно работа по радиоперехвату наших зашифрованных телеграмм. Накануне операции немецкие объекты радиоперехвата во что бы то ни стало необходимо уничтожить!

– Не знаю, справится ли его группа с этой задачей, – с сомнением в голосе промолвил Залыга, – но я постараюсь, ваше превосходительство. Если будет необходимость, то подключу к этой работе других агентов.

– Благодарю вас, Петр Федорович, за ваше стремление несмотря ни на что помочь нашему общему делу, и хочу отметить, что за время командировки я смог воочию убедиться в дееспособности вашего отделения, – благожелательно глядя на подполковника, сказал Баташов, подводя итоги своей работы. – Конечно, ваши сотрудники звезд с неба не хватают, но под вашим руководством вполне способны выполнять самые ответственные задачи по контршпионскому обеспечению армии. И достойное подтверждение этому – задержание немецкого агента, напавшего на себя личину польского коммивояжера...

– Но, ваше превосходительство, – искренне возразил Залыга, – в разоблачении этого агента полностью ваша заслуга...

– Ни в коем случае! – категорически заявил генерал. – Я просто преподаю вашим сотрудникам урок. На моем месте вы бы так же в два счета раскусили этого прохвоста. Я думаю, что вам необходимо больше внимания уделять обучению сотрудников, а чтобы они не были инертными в исполнении своих служебных обязанностей, более строго спрашивайте с них...

– Неужели я кажусь вам излишне мягкотелым? – обиженным тоном промолвил Залыга. – Ведь месяца не проходит, чтобы кто-то из моих сотрудников не пожаловался на меня начальству за излишнюю строгость...

– Во многом деятельность вашего отделения зависит от отношения к делу военнопленных, поэтому за упущения по службе советую вам применять более строгие меры, вплоть до предания суду и отчисления в строй рядовыми. Только такими мерами возможно искоренить подчас инертное отношение к нашему делу, проявляемое военными служащими. Видя это, должны подтянуться и остальные ваши сотрудники.

⁸ Так солдаты называли снаряды тяжелой артиллерии.

– Я, конечно, могу взнудать своих подчиненных «треньзельными удилами для особо строптивых лошадей», но тогда половина из них непременно постарается перевестись подальше от меня.

– Наберете себе других, более достойных.

– Что вы, что вы, ваше превосходительство! – испуганно воскликнул Залыга. – Не такие у нас высокие оклады содержания, чтобы осуществлять более строгий подбор, особенно чиновников и старших наблюдательных агентов в соответствии с предъявляемыми требованиями.

– А вы варьируйте финансами. Нашей, довольно шаблонной системе штатной оплаты по должностям надлежит противопоставить систему дополнительных денежных наград. В деле контрразведки каждая должность требует особых способностей. Наблюдательный агент может в своей должности проявить не только полное соответствие, но и талант, между тем этот же агент окажется совершенно непригодным для обследования, выяснения и тем более не будет годиться для канцелярской работы. Применяя в широкой степени поощрительную систему денежного вознаграждения служащих, оказавших действительные услуги контрразведке, надлежит наказывать нерадивых соответствующим уменьшением оклада, вплоть до самого минимального. Штрафуйте сотрудников, проявивших нерадение к службе...

Залыга удивленно взглянул на генерала, который вместо вполне заслуженного им разноса зачем-то учит его финансовому делу, которое он раз и навсегда возложил на хилые плечи своего помощника и больше никогда к нему не возвращался, считая делом второстепенным.

– Но, ваше превосходительство, – пытался возразить он, – ведь у меня других забот полон рот, не до финансов сейчас, фронтовая операция на носу...

– А вот это вы зря, – назидательно промолвил Баташов. – В том и состоит руководство деятельностью КРО, что вы должны разбираться не только в людях, но и в финансах. Вы можете ответить на вопрос, почему агенты, в большинстве своем способные по своим личным качествам к работе, в действительности в течение длительного времени не давали никакой информации, имеющей агентурную ценность, или доставляли сведения, мало касающиеся военной контрразведки? С удивлением я обнаружил в вашем делопроизводстве никому не нужные переписки по выселениям иностранцев, производству секвестров имущества, полицейским обыскам, и еще много чего, ничего общего с делом контрразведки не имеющего.

– Вы имеете в виду доклады секретных сотрудников о политических сходках рабочих на текстильной фабрике и политических кружках, существующих в городе?

– Да! Я именно это имел в виду, – сухо промолвил Баташов. – Неужели у ваших филеров нет других, более серьезных объектов для наблюдения?

– Это издержки прошлого, – пожал плечами подполковник, – ведь большинство моих агентов и секретных сотрудников раньше служили в охранке. Им везде чудятся революционеры, готовящие покушение на батюшку царя.

– Ну что же, – задумчиво промолвил Баташов, – может быть, в этом и есть доля истины...

Залыга удивленно взглянул на генерала. Он не сразу понял смысл его слов. Конечно, он слышал от своих жандармских коллег, окопавшихся в Ставке, о том, что против царя зреет какой-то заговор, но не придавал этому особого значения. После расстрела рабочих на Дворцовой площади в Петербурге в 1905 году он уже десятки раз слышал о подобных заговорах и акциях, но монарх, несмотря ни на что, жил и здравствовал. Но слова генерала наводили на мысль о том, что не все так хорошо, как кажется, в окружении императора...

Заметив удивленный взгляд подполковника, Баташов решил отвести разговор от этой довольно опасной темы.

– Я хотел бы напомнить вам, что общая цель нашей контршпионской деятельности заключается в обнаружении, обследовании, разработке и ликвидации в кратчайший срок всякого рода шпионских организаций и агентов, тайно собирающих сведения о наших вооруженных силах и вообще всякого рода сведения военного характера. Там нет ни слова о рабочих и

революционных организациях. Так что прекращайте самодеятельность и приступайте к исполнению своих прямых обязанностей. Кроме всего уже сказанного ранее, я бы рекомендовал вам придать большее значение развитию контрразведывательных пунктов и более широкому взаимодействию в деле контрразведки с губернским жандармским и железнодорожным полицейским жандармским управлениями и с общей полицией...

4

К столице Царства Польского Баташов подъезжал с радостным ощущением встречи с давним и любимым знакомым, которым для него много лет была Варшава. За окнами поезда мелькали знакомые пригороды. Он с волнением и огромным удовольствием вдыхал по-осеннему густой, насыщенный ароматом увядающей природы воздух с чуть заметной горчинкой. В памяти всплывали счастливые годы мирной поры и полные забот и треволнений предвоенные дни. Под замедляющийся перестук колес он вдруг вспомнил, с какой тревогой и волнением ехал на первую встречу со своим новым агентом Айсманом в Лазенковский дворец, куда недавно, пока он был в командировке, поближе к театру военных действий, передислоцировался штаб Северо-Западного фронта. В былые времена здесь обычно проживала свита высоких особ, приезжавших в польскую столицу по приглашению российского императора или Варшавского генерал-губернатора. Перед началом войны здесь было особенно много гостей из процветающей Вены и дружественного Берлина, так что случайная встреча австрийских, немецких и русских офицеров не вызывала никакого подозрения.

«Куда же запропастился Айсман? – вдруг с тревогой подумал Баташов. – Неужели его куда-то перевели или, хуже того, вычислили? Нет! Этого просто не может быть, ведь он сам контрразведчик. Не может же он себя подвести под цугундер. Но никакой информации с тех пор, как передал сигнал „Опасность“... Было бы хорошо, если бы люди Залыги узнали о нем хоть что-нибудь». С этой мыслью, генерал, видя, что за окном мелькают уже городские улицы и переулки, начал собирать вещи.

На вокзале Баташова встретил поручик Свиньин.

– Ваше превосходительство, авто ждет вас, – доложил он, как только генерал вышел из вагона.

– Что нового? – спросил Баташов, тепло обнявшись с будущим зятем.

– Ничего нового, Евгений Евграфович, – по-родственному доложил поручик, – если не считать, что наемни к нам прибыл Генерального штаба капитан. Правда, я с ним познакомиться еще так и не успел.

Авто быстро доставило Баташова к просторному парку, раскинувшемуся перед Лазенковским дворцом. Отпустив поручика по надобностям в город, генерал, вдохнув полной грудью влажный, сладко-терпкий запах преющих опавших листьев, насыщенный ароматом осенних цветов и поблекшей травы, что прееет под листьями, торопливо направился по центральной аллее к парадному подъезду.

Неожиданно впереди него, из боковой аллеи в сторону дворца проследовал стройный, среднего роста офицер. Слегка небрежная и в то же время четкая и уверенная его походка показалась Баташову знакомой.

«Кто же это может быть?» – подумал он и прибавил шагу, чтобы нагнать офицера.

– День добрый, господин капитан, – промолвил он, почти его догнав.

Офицер, вздрогнув, резко остановился, потом медленно обернулся.

– Иван Константинович!

– Ваше превосходительство! – одновременно радостно воскликнули Баташов и Воеводин.

Обнялись. По старому русскому обычаю, трижды расцеловались.

Отстранив Воеводина, Баташов внимательно на него посмотрел.

– Я смотрю, ты даром время не терял. Поздравляю с производством в капитаны.

– Спасибо, ваше превосходительство, – смущенно промолвил явно обрадованный неожиданной встречей офицер, и, тут же приняв строевую стойку, доложил:

– Ваше превосходительство, разрешите представиться по случаю назначения в распоряжение начальника Генерального штаба при штабе Северо-Западного фронта! – И Воеводин недоуменно пожал плечами.

– Не удивляйся Иван Константинович, – произнес Баташов. – Все мы здесь состоим в распоряжении начальника Генерального штаба, а отдел наш официально называется разведочным. Это чтобы враг не сразу понял, чем мы тут занимаемся!

Баташов увлек капитана за собой. По информации поручика Свинына, Баташов знал, что разведочный отдел, вместе со всем штабом Северо-Западного фронта передислоцировался во дворец. Генерал-квартирмейстер распорядился устроить контрразведчиков на первом этаже, в самом конце коридора, в апартаментах, которые когда-то давным-давно занимали флигель-адъютанты польского короля.

Выслушав доклад дежурного жандармского ротмистра Телегина, Баташов, крепко пожал ему руку.

– Как перебазировались? Никого по дороге не потеряли? – благожелательно спросил он.

– Никак нет, – щелкнул сапогами ротмистр, – все на местах, работа по контршпионскому обеспечению предстоящей операции идет полным ходом...

– Благодарю за хорошие вести, Вениамин Петрович, и позвольте представить вам моего второго помощника, капитана Ивана Константиновича Воеводина.

Офицеры крепко пожали друг другу руки.

– Вениамин Петрович, голубчик, – обратился Баташов к ротмистру, – вас не затруднит узнать, на месте ли Михаил Дмитриевич?

– Сейчас уточню у адъютанта, – вскочил Телегин, угодливо шаркнув ножкой. – Разрешите показать ваш новый кабинет?

Ротмистр направился впереди, Баташов и Воеводин за ним следом.

– Никак не могу отучить ротмистра от его жандармских привычек, – поморщившись, словно от зубной боли, негромко, чтобы не слышал ротмистр, промолвил Баташов, заметив недоуменный взгляд Воеводина. – Но работник он отменный, особенно по части сыска.

– Здесь. – Телегин распахнул дверь, пропуская генерала и нового сотрудника в небольшую светлую комнату, уставленную старинной мебелью красного дерева.

Уютно устроившись в кресле у стола, инкрустированного разноцветными породами дерева, на котором стоял лишь письменный прибор да лежала кипа газет с красными и синими отметками, Баташов, благожелательно взглянув на ротмистра, сказал:

– Как вы все хорошо здесь устроили. Благодарю, Вениамин Петрович.

Выслушав похвалу, Телегин благодарно щелкнул каблуками и, повернувшись кругом, исчез за дверью.

– Присаживайся, Иван Константинович, в ногах правды нет, – предложил Баташов.

– Слушаюсь, ваше превосходительство! – промолвил Воеводин, присаживаясь на самый краешек стула.

– Оставим условности и этикет, – строго сказал генерал, – в нашем отделе я завел правило обращаться только по имени-отчеству. С остальными штабными, особенно с теми, с кем ты не знаком по прежнему месту службы, прошу соблюдать воинский этикет в полном объеме. Я думаю, тебя этому учить не надо?

– Мне все ясно, Евгений Евграфович, – понятно произнес капитан.

– Ну, раз все понятно, то я хотел бы услышать твой рассказ о том, что происходит в Генеральном штабе и вокруг него. Что вообще в столице творится? Обмен информацией даже между фронтами как следует не организован, я уже не говорю об армиях... Мне интересно все, что касалось разведки и контрразведки.

Воеводин, смущенно и доверчиво взглянув на генерала, деловито начал:

– После прибытия исполняющего должность начальника Генерального штаба Михаила Алексеевича Беляева, в доме на Дворцовой площади многое изменилось. Как вы, наверное, знаете, должность обер-квартирмейстера до сих пор остается вакантной, и потому все, что связано с военной разведкой и военным контролем, находится во взвешенном состоянии. Наши военные агенты продолжают присылать шифровки, но анализировать их некому. В делопроизводстве осталось слишком мало опытных специалистов...

– Но насколько я знаю, Михаил Алексеевич, хоть с неба звезд и не хватает, но человек трудолюбивый, исполнительный и аккуратный...

– Все это так, Евгений Евграфович, но это больше всего касается формальной стороны, где он уж больно докучлив и мелочен. Требуется прибывать на службу только в военной форме и до мелочей соблюдать военный этикет. А что касается оперативного искусства, то он, чтобы не вводить в стратегическое планирование что-то новое, более соответствующее современной войне, в основу своих замыслов ставит порядком забытые, давно отмершие постулаты и теории, которые даже Суворов обходил стороной. Нравственный элемент, который сегодня составляет главный успех боя, он не понимает и с ним не считается. Поэтому на карте, на которой он орудует, нет людей. Есть кружки, означающие корпуса. Есть известное между ними расстояние, а всякий успех, который зачастую стоит десятков тысяч жертв, отражается на карте только тем, что наносится новый кружок, впереди старого. И печатают в газетах – такой-то город взят. А что это стоило усилий, потерь – эта область ему недоступна. Наверное, за подобное, нечеловечное, отношение к военной действительности, да еще из-за голого черепа, в Генштабе и прозвали его «Мертвая голова»...

– Неужели? – улыбнулся Баташов.

– В самом деле! – заверил Воеводин. – О контршпионской деятельности генерал Беляев даже разговора не ведет. Как вы знаете, с объявлением войны контрразведывательные органы штабов армий и военных округов на театре военных действий вышли из прямого подчинения Главному управлению Генерального штаба, перейдя под общее руководство штабов фронтов и отдельных армий. При этом, по имеющимся у нас данным, на местах положение о контрразведывательных отделениях в полной мере не соблюдаются, а многие из таковых отделений вовсе этих положений не имеют. В то время, как для успешности военного контроля прежде всего необходимо, чтобы все его органы, как на театре военных действий, так и вне его, руководствовались общими основаниями и поддерживали в известной степени связь между собой... Все держится на личной инициативе и предприимчивости. Хотя с первых же дней войны, по докладам начальников контрразведывательных отделений армий и корпусов, они столкнулись с довольно высокой активностью австрийских и немецких разведчиков. К примеру, уже в конце августа 1914 года сотрудниками Департамента полиции в непосредственной близости от Архангельска был задержан немецкий пароход, имевший на борту радиотелеграфную станцию. В том же месяце сотрудниками Главного управления Генерального штаба была раскрыта шпионская деятельность немецкого агента Бергхарда, работавшего под видом коммивояжера в Петрограде и Саратове. Военным контролем 3-го кавалерийского корпуса была задержана группа немецких шпионов, распространявших среди солдат корпуса антивоенные пропагандистские прокламации. В первые месяцы войны были выявлены австрийские разведшколы в Вене, Кракове и Кошице, где форсированно готовили профессиональных шпионов для засылки на территорию России. А в октябре сотрудники ГУГШ выявили факты участия турецких дипломатов в ведении разведывательной деятельности и развертывании панисламистской пропаганды на Кавказе и в Бухаре.

Поскольку начальный этап военных действий характеризовался у нас грандиозным всплеском патриотизма, это наложило свой отпечаток и на особенности контршпионской работы. Особенно после поражения в Восточной Пруссии и пленения десятков тысяч наших солдат и офицеров. Перед контрразведкой стала задача выявления завербованных иностран-

ными спецслужбами военных, многие из которых после попадания на территорию России тотчас же приходили с повинной. Впрочем, несмотря на такие проявления верности присяге и долгу, случаи измены солдат, офицеров и жителей прифронтовой полосы были весьма нередки. К примеру, переправкой австрийских шпионов через границу стали активно заниматься жители прифронтовой полосы, получавшие за это от немцев вознаграждение в размере 20 рублей. Под воздействием официальной антигерманской пропаганды подобные случаи привели к тому, что в общественном сознании наметился «перенос комплекса отрицательных эмоций ненависти и ожесточения, связанных с образом внешнего врага, на образ врага внутреннего – „внутреннего немца“». В свою очередь, все это привело к повальной шпиономании и доносительству. Начальник Петроградского КРО в своих докладах не раз отмечал, что с первых же дней войны «как-то странно сильно стали говорить в столице о шпионаже немцев», а с фронта «шли слухи, что еврейское население чуть ли не сплошь занимается шпионажем». Последнее грозит превратиться в настоящую проблему, поскольку эту точку зрения разделяет даже военный министр. Ставка также находится под влиянием антисемитских настроений, посчитав, что «евреи деятельно скрывают дезертиров, способствуют побегам нижних чинов и вообще стараются ослабить мощь русской армии». А так как даже высокообразованный офицерский корпус стал воспринимать российских евреев как пособников противника, то чего же следовало ожидать от простых солдат? Согласно докладам полицейских чиновников и начальников органов военного контроля в действующей армии укрепилось твердое мнение, что Генеральный штаб Германии всячески использует евреев, свободно владеющих немецким языком, для ведения разведывательно-диверсионной работы на территории России «из-за склонности многих из них к преступлениям всякого рода за деньги». И, как результат этого, евреи «фигурировали как обвиняемые или подозреваемые в трети всех дел, заведенных контрразведывательными отделами 2-й, 8-й и 10-й армий».

Отчасти такая ситуация стала возможной вследствие недостатков кадрового комплектования нашей службы. Это и понятно, ведь в органы по борьбе со шпионажем зачастую принимались строевые и жандармские офицеры, а также чиновники, многие из которых не имели никакого понятия ни о существе розыска, ни о технической его стороне.

Анализ подобной ситуации показывает, что, попадая под влияние предрассудков и стереотипов, такие сотрудники часто неадекватно воспринимали поставленные перед ними задачи по обеспечению безопасности войск и стратегических объектов. В большей мере страдало от этого местное население, подозреваемое в таких тяжелых преступлениях, как измена и шпионаж, независимо от наличия или отсутствия доказательств, не говоря уже о фактической вине.

– В настоящее время я вижу две главные проблемы контрразведывательной службы, – деловито подвел итог Воеводин. – Во-первых, придание национального и даже националистического характера контршпионской работе. Поэтому аресты подозреваемых в шпионаже проводились не в соответствии с наличием у органов военного контроля компрометирующих конкретное лицо сведений, а с связи с национальной принадлежностью этих лиц. Во-вторых, стремление контрразведчиков поставить знак равенства между изменой и германфильством повлекло за собой составление списков прогермански настроенных россиян, приравненных к изменникам и шпионам. Подозреваемые задерживались десятками и депортировались за Уральские горы.

Главное управление Генерального штаба, конечно, в меру своих сил и возможностей, пытается бороться с подобными проявлениями непрофессионализма собственных армейских и тыловых сотрудников. В наших инструкциях и приказах постоянно подчеркивается, что данные списки должны составляться с самым строгим разбором, дабы в них заключались только действительно неблагонадежные лица, о коих имеются более или менее обоснованные сведения, что они занимаются военным шпионством, но все эти меры пропадают втуне...

– Если позволите, я ознакомлю вас с последней депешей, направленной Главным управлением Генерального штаба в войска. Вот она. – Воеводин вытащил из внутреннего кармана кителя вчетверо сложенный листок и, развернув его, зачитал:

«...Прошу уведомить, в какой степени контрразведывательные органы фронта руководствуются Положением о контрразведывательных отделениях и продолжает ли существовать установленный в мирное время порядок учета лиц, заведомо причастных к военному шпионажу и подозреваемых в таковом, а вместе с тем производится ли и каким порядком обмен регистрационными сведениями об этих лицах между контрразведывательными органами фронта, тыла и соседних с фронтом районов театра военных действий.

Желательно также знать, ведутся ли по каждому контрразведывательному органу дневники и сводки агентурных сведений, алфавиты проходящих по делам лиц, списки неблагонадежных и подозреваемых в шпионаже, а также фотографические архивы, как то предусмотрено для мирного времени приложением к § 12 „Инструкции начальника контрразведывательных отделений“. Обращаю особое внимание на регистрацию и обмен регистрационными сведениями, так как это одно из наиболее действительных средств к воспрепятствованию неблагонадежным и подозреваемым лицам уклоняться от наблюдения при переходе из района одного контрразведывательного органа в район другого.

Если – как в отношении регистрации, так и вообще – упомянутого положения и инструкции вполне придерживаться не представляется возможным, то необходимо знать, что в них в данное время должно быть изменено и что исключено или дополнено на основании имеющегося опыта войны.

Крайне желательно, чтобы сводки тех положений и указаний, которыми руководствуются контрразведывательные органы армий фронта, были бы собраны и доставлены в штаб Верховного главнокомандующего для согласования их с таковыми же, установленными в других частях действующей армии.

При этом прилагаю экземпляр Положения о контрразведывательных отделениях с четырьмя к нему приложениями и экземпляр циркуляров отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба 1914 года за №№ 0841, 1195 и 11087, касающихся порядка регистрации и составления сводок по контрразведке...»

– Когда из армий и фронтов были получены запрашиваемые сведения, – продолжал Воеводин, – оказалось, что мирная кабинетная работа Главного управления Генерального штаба была совершенно аннулирована кипучей жизнью войны. Большинство лиц, ведавших контрразведкой, показало себя совершенно не на месте, наставления и инструкции оказались мертвой буквой...

– Я знаю об этом не понаслышке, – прервал капитана Баташов, – но вынужден добавить, что все во многом зависит от конкретного руководителя. Из трех начальников разведочных отделений армий Северо-Западного фронта мне показался толковым только жандармский подполковник Залыга, сотрудники и агенты которого, столкнувшись с активной работой вражеской разведки, показали довольно высокую активность и квалификацию в деле их обнаружения и обезвреживания. Но таких офицеров в войсках слишком мало... Прости, что перебиваю

тебя, но я не могу равнодушно слушать о довольно болезненных для каждого контрразведчика вопросах. Мне бы хотелось знать, в чем ты видишь основные недостатки армейских КРО.

– Мне кажется, что контршпионская деятельность армейских отделов поставлена слабо, во многом из-за низкого уровня подготовки сотрудников, а также по причине некоторой неопределенности их полномочий, что, в свою очередь, не позволяет им в полной мере выполнять свои обязанности. К тому же среди ряда контрразведчиков бытует мнение, будто «шпиона по роже видать», а подобная точка зрения делает все тонкости агентурной работы попросту бессмысленными и ненужными. В результате агенты военного контроля чаще всего идут по жандармскому пути и этим сумели дискредитировать все дело... А в общем, хорошего мало. На последнем закрытом совещании в Генеральном штабе генерал-квартирмейстер Ставки Данилов констатировал полный развал фронтового контршпионажа...

– Только и могут, что констатировать да понукать, – зло буркнул Баташов, – нет бы оказать нам реально помощь.

– Насколько я знаю, в Ставке работают над новой инструкцией по контршпионской работе в военное время.

– Поздно спохватились, – недовольным тоном произнес Баташов. – Много разговоров об этом было и накануне войны, да воз и ныне там. Все мои самые насущные предложения по реформированию военной контрразведки перед началом войны у высшего начальства под сукном оказались...

В дверь тихо, но настойчиво постучали.

– Войдите, – раздраженно промолвил генерал,

В кабинет вошел улыбающийся ротмистр Телегин.

– Евгений Евграфович, генерал-квартирмейстер у себя, – доложил он.

– Спасибо, Вениамин Петрович, – уже спокойным, благожелательным тоном ответил Баташов и, бросив на Воеводина извиняющийся взгляд, нехотя промолвил: – У нас еще будет время поговорить... Господин ротмистр, прошу вас показать капитану рабочий кабинет. И помогите оборудовать его временное жилье, – обратился он к Телегину. – Я не прощаюсь. – Баташов глянул на Воеводина и неторопливо, внутренне собравшись, направился на встречу с начальством.

5

В штабе фронта стояла обычная сонная одурь. Достаточно было пройти по коридору, чтобы сразу же почувствовать это. То и дело попадающиеся на пути штаб-офицеры равнодушно приветствовали Баташова, не проявляя к нему никакого интереса. По их мрачным, серым лицам можно было догадаться, что они, уже заранее решив, что с немцами все равно ничего не поделаешь, опустили руки. Противник прочно окопался в Восточной Пруссии, умело укрепился и благодаря густой железнодорожной сети имел возможность идеально маневрировать и бросать нужные силы в любом направлении. Прекрасно зная об этом, штабные мало верили в успех предстоящего наступления, в их сонливых, равнодушных взглядах чувствовалось упадническое настроение, предвещавшее очередной провал. И потому они предпочитали отсыпаться, относясь к своим обязанностям спустя рукава. Всеобщее уныние, вызванное небывалой катастрофой, постигшей две отлично вооруженные, полностью укомплектованные русские армии Самсонова и Ренненкампа, усугубляло невысокий морально-боевой дух не только в штабах, но и в войсках. С этими мыслями Баташов остановился у мощной, дубовой двери, ведущей в кабинет генерал-квартирмейстера штаба фронта.

В большом, довольно светлом кабинете генерала Бонч-Бруевича почти не было никакой обстановки. С десяток стульев стояли вдоль стен, да огромный дубовый стол, на котором было разложено множество карт самых различных масштабов.

Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич – молодежавый, среднего роста, аккуратно подстриженный генерал с великолепными, довольно ухоженными гусарскими усами. Золотые погоны на его несколько узких плечах блестели матовым блеском. Когда Баташов вошел, генерал с красным карандашом и линейкой в руках размечал что-то на карте-десятиверстке. Оторвавшись от своего занятия, он окинул прибывшего из командировки генерала равнодушным взглядом. Водянистые глаза его, как обычно, смотрели мимо, куда-то в необозримое пространство.

Сухо и неприветливо кивнув Баташову, он неожиданно заявил:

– Исследуя причины сложившейся на фронте в преддверии наступления обстановки, я сделал неутешительный вывод в том, что армейские КРО не имеют представления о системе шпионажа со стороны противника, поэтому их работа сводится к улавливанию случайно попавшихся разведчиков и шпионов. – И, не дав Баташову сказать хоть слово в свое оправдание, монотонным голосом, равнодушно, спросил: – Вы уверены, что о нашей предстоящей операции немцы еще не догадываются?

– Не уверен, – почти не задумываясь ответил Баташов. – Передвижение вдоль фронта целых армейских корпусов и прибытие новых нельзя осуществить незаметно. Немцы наверняка догадываются о наших планах. Правда, им пока что не известно направление нашего главного удара. Для того чтобы ввести противника в заблуждение, я предлагаю провести операцию прикрытия. С этой целью мы представим немцам ложный приказ о наступлении 2-го армейского корпуса на Познань и передадим через контролируемых нами немецких агентов сведения о передислокации в район ложного удара артиллерийской бригады. Все детали этой операции я додумаю самостоятельно...

Зная характер своего начальника, который мнил себя стратегом и не любил разбираться в мелочах, поручая их своим помощникам, Баташов обычно, представляя Бонч-Бруевичу свои, тщательно проработанные предложения, старался оградить его от излишних забот.

– Как скоро мы сможем провести операцию прикрытия? – заинтересованно спросил генерал-квартирмейстер, окинув Баташова проницательным взглядом.

– На доработку деталей операции мне достаточно одного дня. Завтра утром я могу доложить все в подробностях...

– Не надо! Назначаю вас ответственным за осуществление операции прикрытия. Я вам полностью доверяю, – горячо воскликнул Бонч-Бруевич.

– Я бы хотел также обратить ваше внимание на работу радиотелеграфистов, на направляемые ими шифровки из штаба фронта в войска...

– Опять вы затронули болезненную для всех нас тему... – поморщился, словно от зубной боли, генерал-квартирмейстер. – Я слышал о том, что вражеские агенты валят телеграфные столбы, режут провода, но пусть вопрос сохранности телеграфных линий беспокоит начальника связи, у нас своих дел по горло!

– Михаил Дмитриевич, дело не только в проводах и радио, но и в самих шифровках, от защищенности которых будет во многом зависеть исход нашей фронтальной операции. Я имею точные сведения о том, что во время августовского наступления в Восточной Пруссии, когда армии Ренненкампа и Самсонова, разделенные Мазурскими озерами, осуществляли связь друг с другом преимущественно по радио, выяснилось, что в 1-й армии новый шифр получили, а старый уничтожили, а во 2-й армии все еще действовал старый шифр. В результате переговоры некоторое время велись по радио открытым текстом, что дало немцам прекрасную возможность узнать о тактических и стратегических замыслах командования, что и привело к разгрому 2-й армии. Если позволите, я введу вас в курс дела.

– Ну, раз вы считаете это достаточно важным делом, то, просветите меня, – скептически взглянув на Баташова, промолвил Бонч-Бруевич.

– Дело в том, Михаил Дмитриевич, что используемые нашими шифровальщиками в настоящее время коды не представляют непреодолимых преград для германских криптоаналитиков, поскольку в шифротексте зачастую сохраняется структура часто встречающихся в открытом тексте слов, таких, как «атака», «полк» или «дивизия», которые обычно шифруются одной строкой таблицы. Именно поэтому нам необходимо сменить все элементы крипто-системы, что позволит хотя бы на время проведения операции лишить немцев возможности дешифровать наши телеграммы...

– Хорошо! Я постараюсь сегодня же согласовать вопрос замены существующих кодов с начальником связи.

Явно удовлетворенный дельными предложениями подчиненного, генерал-квартирмейстер предложил Баташову присесть за стол, заваленный картами, и стал уныло излагать детали предстоящего наступления, утвержденные накануне командующим фронтом генералом Рузским:

– На основе имеющихся у нас данных, основные силы противника находятся в районе Ченстохов – Калиш. Командующий Северо-Западным фронтом приказал перейти в наступление силами 2-й и 5-й армий, одновременно перейдут в наступления войска 4-й и 9-й армий Юго-Западного фронта. Основная задача нашего фронта – сломить сопротивление противника и выйти на линию Ярочин – Кемпен – Катовице. Левый фланг будет прикрывать Кавказский корпус, правый фланг – 2-й армейский корпус. Кроме того, правый фланг наступающих в Восточной Пруссии армий будет прикрывать 1-я армия. Для этого 6-й Сибирский корпус получил задачу начать переправу на левый берег Вислы, где уже располагается 5-й Сибирский корпус...

Генерал-квартирмейстер, резко оборвав свою речь, подошел к карте и задумчиво уставился на нее, что-то соображая.

«Ничего нового, – подумал про себя Баташов, – все как обычно. Армии готовятся к фронтальному наступлению, не имея точных данных о сосредоточении противника. Да и весь план операции сводится к простому движению вперед, без обходных маневров, рассекающих и охватывающих ударов, без вторых эшелонов для развития наступления».

– У меня есть данные, что мощная группировка противника сосредотачивается против правого фланга нашего фронта, – прервал явно затянувшееся молчание Баташов.

– Да, Ставка предупредила нас о том, что между Вислой и Вартой могут располагаться до четырех корпусов противника. Я думаю, генерал Рузский учтет это и внесет в план наступления свои коррективы. Ибо именно на правом фланге наши армии вытянуты на слишком большом фронте и почти не имеют армейских и фронтовых резервов для парирования возможных контрударов противника и тем более для развития успеха наступления...

Бонч-Бруевич обвел синим карандашом район между Вислой и Вартой и зачем-то поставил там вопросительный знак. Обернувшись к Баташову, он выжидающе взглянул на него.

– Я бы хотел доложить вам о результатах моей командировки...

– Изложите в рапорте на мое имя, – прервал Баташова генерал-квартирмейстер. – Будет время, я посмотрю.

С самого начала совместной работы в штабе Северо-Западного фронта Бонч-Бруевич сразу же отгородился от забот и дел контрразведки, перепоручив все Баташову. Он мало интересовался деятельностью разведочного отдела, предпочитая всему агентурную и армейскую разведку. На доклады Баташова о необходимости более строгого хранения в штабах секретных документов, о более тщательном подборе шифровальщиков и делопроизводителей генерал-квартирмейстер лишь досадливо морщился, не придавая этим важным в современной войне вопросам почти никакого значения.

– Ваша задача – ловить шпионов, – говаривал Бонч-Бруевич, зачастую обрывая на полуслове своего излишне настойчивого помощника, – а штаб и все, что с ним связано, – моя забота!

И то, что генерал-квартирмейстер согласился с предложением Баташова обговорить с начальником связи вопрос замены перед операцией всех кодов на новые, было его небольшой, но победой на фронте их штабных взаимоотношений.

– Я бы хотел попросить ваших контрразведчиков взять на контроль моральное состояние наших нижних чинов, – неожиданно озадачил Баташова Бонч-Бруевич. – Жандармским чинам контрразведки, я думаю, это дело привычное.

– Но, Михаил Дмитриевич, вы же прекрасно знаете: у нас перед наступлением непочтительный край работы. Разведочные отделения армий и корпусов полностью не укомплектованы и с трудом справляются с текущей работой, а вы хотите прибавить к этому еще и наблюдение за солдатами...

– Ничего не поделаешь, голубчик Евгений Евграфович, – криво усмехнулся генерал-квартирмейстер, – обстоятельства диктуют. Не будут же господа офицеры доглядывать за нижними чинами. Вашим жандармским коллегам это дело сподручнее.

– И в самом деле сподручнее, – неожиданно согласился Баташов, – проинспектировав уже половину разведочных отделений, я пришел к неутешительному выводу...

– К какому-какому выводу? – искренне заинтересовался Бонч-Бруевич.

– К неутешительному! Попав в действующую армию, жандармские офицеры, вместо того чтобы заниматься выслеживанием вражеских агентов и выявлением предателей, по старой привычке продолжают рьяно искать в войсках всевозможную «крамолу», направленную против государства. Жандармские офицеры так и не смогли наладить контршпионское дело, ибо не знают оперативной и тактической работы штабов и недостаточно грамотны в военном деле. Зачастую неприятельские лазутчики безнаказанно добывали в районе военных действий нужные сведения, делая это под носом таких контрразведчиков, для которых случайно обнаруженная листовка во много раз важнее, нежели явное предательство и измена в армии. Понятно, что германский Генеральный штаб широко использовал и использует эту нашу слабость...

Критикуя работу контрразведчиков, Баташов хотел хоть таким образом вызвать искренний, а не поддельный интерес генерал-квартирмейстера к трудностям и нуждам разведочных отделений, которые тот никак не хотел признавать.

Но и теперь, равнодушно выслушав уже достаточно знакомые ему проблемы, Бонч-Бруевич сухо заметил:

– Извольте сами нести свой, прямо скажу, нелегкий крест, и не перекладывайте его на чужие плечи. Вы же знаете, что я не против того, чтобы вы отбирали в войсках грамотных и опытных в военном деле офицеров...

– Все это верно, но начальники штабов очень неохотно идут мне навстречу. Мало того, зачастую настраивают отобранных мной офицеров против службы в качестве, как они говорят, «сыскарей».

– Завоюйте их любовь и доверие, – посоветовал генерал-квартирмейстер. – Пока контрразведка не сможет показать достаточно высокую эффективность своей работы, ваш голос в среде штаб-офицеров будет гласом вопиющего в пустыне!

Этим нелицеприятным для Баташова словам трудно было возразить, ибо «тайная война», которая велась параллельно явной, была мало кому известна. О явной войне трещали газеты всех направлений, ее воспроизводили бесчисленные фотографии и киноленты, о ней рассказывали тысячи участников – солдат и офицеров. О «тайной войне» знали немногие. В органах, которые занимались ею, все было строжайшим образом засекречено.

Что и говорить, если сам орган военной контрразведки, первоначально названный разведочным отделением, создавался негласно, «без официального учреждения его», иначе, по мнению организаторов, терялся бы главный шанс на его эффективную деятельность. Даже должность начальника разведочного отделения в целях конспирации именовалась «...состоящей в распоряжении начальника Генерального штаба».

– Но с чем связана необходимость усиления контроля за младшими чинами? – спросил Баташов, снова возвращаясь к довольно неожиданному и болезненному для него поручению генерал-квартирмейстера.

– В последнее время в войсках участились случаи самострелов и беспричинного ухода с занимаемых позиций. Да что далеко ходить. Вот, почитайте приказ командующего 2-й армии генерала Шейдемана.

Бонч-Бруевич, протянул Баташову бумагу.

«...Мной замечено, что нижние чины под тем или иным предлогом во время боя покидают строй, одни в качестве сопровождающих раненых, другие с самыми незначительными ранениями, большей частью в руки. Кроме того, наблюдались случаи саморанения огнестрельным или холодным оружием. Подобное отношение к своему долгу считаю недопустимым, бесчестным и подлым по отношению к товарищам, которые на местах умирают смертью честных и славных воинов; преступным перед дорогой нашей родиной и обожжаемым монархом, за которых дерется теперь вся Россия. Поступков таких в русской армии не должно быть. Посему предписываю командирам частей строжайше преследовать всякий самовольный уход из строя; врачам ни одного легкораненого, могущего нести службу при части, не отправлять в тыл и по выздоровлении сейчас же возвращать в строй; членовредителей сейчас же предавать полевому суду и расстреливать, как подлых изменников...»

– Я не знал, что подобные брожения в армии уже приобретает массовый характер, – озабоченно произнес Баташов, прочитав приказ, – ведь еще недавно все были полны патриотизма и настроены были воевать до победного конца.

– Да это все газетчики выдумали, – категорически заявил Бонч-Бруевич, – рекруты и в мирное время неохотно шли в армию, а ныне, после страшного поражения и потери сразу

почти двух армий, и подавно не хотят воевать. Вот и дырявит «серая скотинка» руки да ноги, чтобы только не попасть под германские пушки.

– Я уверен, что наблюдение за нижними чинами – мера временная, – с искренней надеждой в голосе промолвил Баташов.

– Это как сказать. У нас временное сродни постоянному, – не задумываясь произнес генерал-квартирмейстер, вещие слова.

6

Озадаченный Бонч-Бруевичем генерал Баташов в самом мрачном настроении прошествовал к себе и даже не перекинулся парой-тройкой слов, как обычно, с дежурным, жандармским ротмистром Телегиным. Переступив порог своего кабинета, Баташов достал из опечатанного сургучом рабочего чемоданчика, заблаговременно доставленного предупредительным ротмистром из секретной части, карту, быстро и аккуратно начал наносить на нее оперативную обстановку. Закончив эту довольно кропотливую, но необходимую работу, Баташов немного успокоился. Последнее время он все чаще и чаще вспоминал сына, которого не видел с самого начала войны. Редкие прошедшие цензуру весточки и телефонные переговоры накоротке не давали ему реального представления о его службе. Он же хотел знать о нем все. И то, как молодой поручик справляется со своими обязанностями, и то, о чем он думает в редкие минуты затишья, и конечно же то, как он воспринимает эту явно затянувшуюся войну. Сравнивая стратегию, которую он изучал в Академии Генерального штаба с настоящим, он перестал безоглядно верить в высший смысл планируемых Ставкой операций. Анализируя итоги последних боев, он все чаще и чаще утверждался в мысли, что кавалерийский наскок на Карпаты, без пехоты и без снарядов, – всего лишь очередная крупная авантюра Верховного главнокомандования, предназначенная отвлечь внимание общества от последних крупных поражений на германском фронте. Прекрасно зная о том, что в Карпатах идут затяжные кровопролитные бои, Баташов с суеверным страхом ждал писем от Аристарха, но вот уже вторую неделю никаких весточек от сына не было. И это наводило на мрачные размышления...

В дверь тихо, но настойчиво постучали, оторвав генерала от тревожных мыслей.

– Разрешите, Евгений Евграфович, – смущенно промолвил ротмистр Телегин. – К вам, несмотря на все мои увещания, рвется с докладом поручик Фрейман.

Баташов сразу же вспомнил худощавого, стройного гусара, сослуживца Аристарха, которого он встретил, направляясь за назначением в Ставку, и почувствовал, как мгновенная боль пронзила его настоженное сердце.

– Пригласите поручика, – глухо промолвил Баташов, заранее предчувствуя, что его ожидает что-то неотвратимо страшное.

– Ваше превосходительство, поручик Фрейман, – представился офицер, – нахожусь в Варшаве по случаю откомандирования в штаб ремонтной комиссии для отбора лошадей...

– Что, большие потери? – спросил Баташов, с тревогой всматриваясь в худое и бледное лицо поручика.

– Да, ваше превосходительство, – глухо ответил тот, пряча глаза.

– Что с Аристархом? Ранен, убит?

– Нет, ваше превосходительство, – уверенно сказал офицер.

– Ну, слава богу! – истово перекрестился Баташов.

– Поручик Баташов пропал без вести, – словно обухом по голове оглушил генерала Фрейман.

– Как? Где? Когда?

– Неделю назад. Во время неравного боя в Карпатах. Как утверждают оставшиеся в живых охотники, во время последней контратаки, которую возглавил ваш сын, Аристарха оглушили и уволокли с собой отступающие австрийцы. Больше о нем мне ничего не известно.

В кабинете воцарилась долгая звонкая тишина, прерываемая лишь тиканьем высоких напольных часов.

– Присаживайтесь, голубчик, – после небольшой паузы, запоздало предложил Баташов, указывая на стул, стоящий на противоположной стороне стола. – Расскажите поподробней, как все это случилось.

Фрейман глухим голосом поведал Баташову о лихой гусарской атаке охотниками Баташова-младшего противника, окопавшегося в Крапивниках, о совместной с пластунами операции по освобождению охотников, попавших в засаду, и о последнем, трагическом бое с австрийцами.

По ходу рассказа Баташов, развернув перед собой карту Галиции, водил пальцем по местам боев сына и, по привычке оценивая произошедшее, удовлетворенно качал головой, словно соглашаясь с его решениями и действиями.

– Почему же подмога не подошла вовремя? – недоуменно спросил он. – Ведь до Исаи от основных сил и десяти верст не было.

– Пока посланные за подмогой охотники в пешем порядке добирались, пока полк вытягивался по узкой дороге, часа три прошло. К этому времени охотники оборонялись уже из последних сил. Австрийцы, видя, что прибыло подкрепление, сразу же ретировались. Командир дивизии генерал Каледин, прибывший к месту боя вместе с нашим полком, запретил преследовать противника, опасаясь засады. На следующий день подошла свежая австрийская колонна, и на окраине Исаи произошел неравный бой. Полк потерял до трети личного состава и половину лошадей. Лишь через два дня наша кавалерийская дивизия с боями вышла из-под массированного удара целого армейского корпуса противника. Вот уже какой день мы находимся в тылу на переформировании. А меня как специалиста по конскому составу снова отправили в командировку...

– Да-да, – рассеянно, думая о своем, сокровенном, промолвил Баташов, – я помню, вы и в прошлый раз после затяжных боев ехали в штаб ремонтной комиссии за конским пополнением.

– Вот и на этот раз мне «повезло», – с чувством нескрываемого сожаления произнес поручик, словно считая себя виновным в том, что в страшном и кровопролитном бою он остался жив.

– Вы где устроились? – оторвался от горестных мыслей Баташов.

– Да я только-только с вокзала и сразу к вам...

– Остановитесь у меня, – тоном, не терпящем возражения, сказал Баташов, – мои «апартаменты» в полном вашем распоряжении.

– Я боюсь стеснить вас, ваше превосходительство, – смущенно промолвил Фрейман.

– Никаких возражений не принимаю, – строго взглянул на поручика Баташов. – Каковы ваши сегодняшние планы? – после небольшой паузы спросил он Фреймана.

– Я хотел наведаться в штаб ремонтной комиссии, чтобы отметить командировочное предписание.

– А где находится штаб?

– Рядом с гостиницей «Европейская», в Краковском предместье.

– Я сейчас направляюсь в центр и как раз буду проезжать Краковское предместье.

Новенький «паккард», выделенный командующим фронта для разведочного отдела, ждал Баташова у подъезда. Чихая и обдавая прохожих газолиновой гарью, автомобиль, набирая скорость, помчался по грязноватым улицам через решетчатый Александровский мост на гору, где у Королевского замка начиналась прекрасная варшавская улица, Краковское предместье.

Остановив машину у гостиницы, Баташов, по-отечески заботливо взглянув на Фреймана, сказал:

– Я не прощаюсь с вами, поручик. Жду к ужину. Советую вам не задерживаться до темноты. Бывает, стреляют. Теперь здесь всякой сволочи хватает...

– Слушаюсь, ваше превосходительство. Постараюсь закончить все до вечера, – козырнул поручик и, захлопнув дверцу авто, направился по своим делам.

Баташов любил Варшаву – веселый, бесшабашный город, с его открытой всем взглядам уличной жизнью, обилием цветов, маленьких кафе со столиками, вынесенными на улицу под полосатые маркизы, элегантными женщинами и вежливыми мужчинами. Ему нравился непо-

казной блеск этого прекрасного города. Здесь он чувствовал себя как дома оттого, что со всех сторон слышалась либо славянская шипящая речь поляков, либо родная русская с приятным польским акцентом.

Конечно, с приближением фронта в городе многое изменилось. Уже не было былого шика и блеска на его проспектах и улицах. Да и прохожие, шарахаясь от автомобиля, нередко кричали вслед не приветствия, а угрозы. Пользуясь благорасположением поляков, город наводнили австрийские и немецкие агенты. И потому сегодня, несмотря ни на что, Баташову необходимо было встретиться с начальником Губернского жандармского управления полковником Стравинским, чтобы обсудить планы сотрудничества в контршпионской работе.

Встречались они обычно на конспиративной квартире полковника, в скромном особняке с выходами на две параллельные улицы. Оставив «паккард» за два квартала до места встречи, Баташов не торопясь направился к особняку знакомыми ему улочками и переулками.

Когда он вошел в квартиру, стол в просторной, светлой столовой был уже накрыт. Хоть и скромно, но по военному времени довольно сытно. Шмат сала, огурцы, капуста, ароматный каравай, и посреди всего этого изобилия – бутылка шустовского коньяку.

– Не побрезгуйте ваше превосходительство, моим бедным угощением. В былые времена я бы вам такой стол накрыл. . .

– Ну что вы, Апполинарий Эрастович, – прервал ненужные оправдания Баташов. – Мы живем в военное время, и все должно этому времени соответствовать. За богатыми столами в лихую годину пируют только тыловые шкуры да предатели.

– Ваша правда, Евгений Евграфович, – согласился жандармский полковник, – для кого война – мачеха, а для кого – мать родная. . . Я предлагаю первый тост за наше боевое братство. Ведь и от нашей с вами совместной работы зависят успехи нашей армии, – предложил Стравинский, разливая коньяк в серебряные рюмки.

– Давайте выпьем молча за тех, кто воюет и погибает на полях сражений, – неожиданно предложил Баташов и, не ожидая ответа полковника, опрокинул рюмку. Не дожидаясь хозяина, налил себе еще и тут же одним глотком осушил вторую рюмку.

Удивленный жандарм кинул пронизательный взгляд на генерала и, заметив, что тот, как ни старается, не может скрыть излучающего глубокую внутреннюю боль взгляда, все понял. Зная, что генеральский сын воюет на передовой, он молчаливо пожал плечами.

– Все в руках Господа. . . – то ли в утешение, то ли в назидание философски промолвил он.

– Простите, Апполинарий Эрастович, что отвлекаюсь от оговоренного нами заранее дела, но я сегодня получил горькое известие о том, что сын мой пропал без вести, – с еле скрываемом отчаянием в голосе произнес Баташов.

– Это, конечно, веский повод для огорчения, но отнюдь не для отчаяния, – обнадеживающе промолвил Стравинский. – Мало ли русских воинов томится сегодня во вражеском плену? Придет время, и обменяем всех на всех. . .

– Когда это будет? – уже более ровным голосом спросил генерал. – И трех месяцев не прошло с тех пор, как один гвардейский полковник в Зимнем дворце уверял меня в том, что наша победоносная война закончится в Берлине в крайнем случае к Рождеству. А ей конца-края не видно. А вы про обмен какой-то говорите. Да пока кончится эта война, пленные наши от голода околеют. Читал я отчеты Красного Креста о том, как немцы соблюдают Гаагскую конвенцию. Русские пленные мрут от голода и болезней тысячами.

– Как же вам помочь? – задумался Стравинский. – А что, если порасспросить военных, вернувшихся из австрийского плена. Сегодня же спрошу прапорщика, сбежавшего из-под Вены третьего дня. Мои люди задержали его на вокзале. Документов при нем никаких не было. Я его временно, до выяснения личности, под надзором в жандармском управлении устроил.

– Но как можно офицера в каталажку сажать? – искренне возмутился Баташов.

– Обижаете, Евгений Евграфович, – смущенно промолвил полковник. – Я же его со всеми удобствами в своей приемной устроил.

– Ну, если так, то я прошу прощения, – сменил гнев на милость генерал. – Вы не будете против, если я вместе с вами поприсутствую при разговоре с этим прапорщиком.

– Буду рад. Ведь это в наших с вами интересах, – согласился жандармский полковник.

– А теперь перейдем к главному вопросу нашей встречи, – уже спокойным, уравновешенным тоном промолвил Баташов. – Прежде чем обговаривать вопросы взаимодействия, я бы хотел обменяться с вами сведениями о положении в Царстве Польском. Здесь есть над чем нам подумать. Как вы, наверное, знаете, до войны я с вашим предшественником довольно плотно работал по выявлению в Варшавском генерал-губернаторстве вражеской агентуры. Реально была раскрыта шпионская деятельность тридцати немецких агентов. Правда, до суда дошли лишь с десяток дел. Но это не наша вина, а наша беда. В настоящее время обстановка в Царстве Польском обострилась до предела. По имеющимся у меня данным, молодежь, рабочие, крестьяне и торговцы, большая часть дворянства ждут не дождутся, когда немцы захватят Варшаву. Складывается очень пестрая картина различных общественных сил как в Царстве Польском, как в Галиции, так и на севере Польши, – продолжал развивать свою мысль Баташов. – Как вы, наверное, знаете, сегодня один из самых популярных лидеров польской молодежи и всех антирусских сил здесь – Юлиан Пилсудский. Вся его так называемая «военная организация» Польской партии социалистов еще с девятьсот шестого года полностью запродалась австрийской разведке. «Фраки», как их называют после выхода из партии и создания фракции, пропагандируют мысль о том, что для них неизменными остаются задачи борьбы против России всеми силами и средствами. Они не только призывают к военным приготовлениям, требуют подготовки военных кадров и оружия, но и создают вооруженные формирования. Полякам, мобилизованным в русскую армию, «фраки» рекомендуют организовывать сбор шпионской информации о России, проведение диверсий, террора... В добавление к этой нечисти, – после небольшой паузы продолжал Баташов, – лидеры галицийской социал-демократии Дашиньский и Сливиньский также находятся в тесном контакте с австрийской полицией и разведкой и толкают свой народ в неметчину. Незадолго до войны в Кракове на антиправительственную сходку собрались представители всех политических партий и сословий Польши. Доклад делал сам лидер большевиков Ульянов-Ленин. Представьте себе, этот русский по национальности человек заявил с трибуны «Спуйни», что большевики готовы объединить все революционные силы под лозунгом демократической республики в сочетании с лозунгом права наций на самоопределение и отделение от России! Что говорить о политических врагах России, если наши милые союзники – французы, как я смог доподлинно установить, тоже всячески подстрекают поляков к отделению от России.

– Союзники как всегда непредсказуемы. Но я больше всего опасаясь наших доморощенных социал-демократов, – откликнулся задетый за живое жандармский полковник, – недаром в каждом большевике я селезенкой чувствую вражеского агента.

– Да-а, нюх вас не подводит, – согласился Баташов, – ведь это их лозунг: «Чем хуже, тем лучше!» А, переводя этот лозунг на военный лад, можно со всей определенностью сказать, что чем хуже для русской армии, тем лучше для большевиков. Это не по их ли сценарию в войсках начинается брожение? В секретных сводках постоянно сообщается о том, что среди нижних чинов «нарастает желание скорее кончить войну». Мало того, из сводок явствует, что и у офицерского корпуса отношение к правительству «самое отрицательное». Господа офицеры в высших сферах видят только «измену и предательство». Скажу вам больше, опора государя-императора – некоторые обер-офицеры, штаб-офицеры и даже генералы дошли до того, что «высказывают крамольные мысли о царской семье, за которые не так давно карали каждого, как преступника». И, что самое удивительное, даже в таких условиях армия еще живет по присяге, хотя уже чувствуется, что в ее недрах нарастает напряжение, чреватое взрывом.

Откровенно говоря, у меня сегодня был нелицеприятный разговор с генералом Банч-Бруевичем, который нацелил работу контрразведывательного аппарата на выявление крамолы в войсках. Вы представляете всю сложность этой затеи?

– Кому как ни мне знать об этом, уважаемый Евгений Евграфович, – согласился явно польщенный доверием генерала-контрразведчика жандармский полковник. – Я же на этом деле седину себе заработал, выслеживая и ликвидируя всяких там социалистов-революционеров. Но как приступить к выявлению неблагонадежных в армии, мне трудно вам что-то посоветовать. Из своей практики могу порекомендовать единственное – сделать опору на многочисленную и действенную агентуру, а также на сведения, почерпнутые из переписки, разговоров, допросов...

– Но для этого и тысячи сотрудников будет мало, – удрученно промолвил Баташов, – а у меня во всех армиях и сотни контрразведчиков не наберется.

– Я постараюсь помочь вам в этом деле, – неожиданно предложил свою помощь полковник и после небольшой паузы добавил: – Евгений Евграфович, давайте на сегодня закончим нашу беседу, а к практическим вопросам вернемся завтра.

Все еще удрученный печальным известием о судьбе сына, Баташов чувствовал, что мысли его, будто тараканы, разбегаются во все стороны и ему с трудом удастся сосредоточиться на главной теме разговора.

– Хорошо, – с радостью согласился он. – Если вы не против, завтра мы обязательно встретимся. Честь имею!

Возвратившись обратно, Баташов застал в своих апартаментах поручика Фреймана, который в ожидании генерала сидел за столом, раскладывая пасьянс.

Увидев генерала, поручик резво вскочил с места и, виновато взглянув на хозяина, просительно промолвил:

– Ваше превосходительство, позвольте мне удалиться.

– А что случилось? – спросил удивленно Баташов.

– Да ничего особенного, – замаялся поручик, – просто у меня в городе появились дела...

– Какие могут быть дела на ночь глядя? – продолжал недоумевать генерал.

– У меня встреча с кузиной, – откровенно признался Фрейман, и на его худеньком личике заиграл румянец.

– А-а, понимаю, – улыбнулся Баташов, – женщины – это дело серьезное. Только поверьте слову бывалого офицера: в военное время женщина, как испорченная граната, не знаешь, когда взорвется. Но в любом случае обязательно поразит отвыкшего в окопах от любви и ласки военного в самое сердце. Так что берегитесь, поручик. И еще, варшавянки больше всего на свете любят деньги. Кстати, как у вас с деньгами?

– Рублев сто наберется, – небрежно промолвил офицер.

– Ну что ж, на несколько дней хватит. Я так понимаю, что вы пойдете с кузиной в ресторан гостиницы «Европейская».

– Откуда вы знаете? – удивился поручик.

– Не надо быть детективом, чтобы догадаться о ваших намерениях. И все-таки жаль вас отпускать. Я так хотел познакомить вас с Генерального штаба капитаном Воеводиным, моим помощником. Он прибыл накануне из Петрограда и рассказывает интересные вещи...

– Прошу прощения, ваше превосходительство, но я обещал, – твердо сказал Фрейман.

– Ну что же, насильно мил не будешь. Хочу только предупредить: не берите с собой никаких документов, оставьте их лучше у меня. С собой обязательно захватите револьвер. Не помешает. А когда будете ловить извозчика, берите не первого подвернувшегося, а второго или третьего и заранее договаривайтесь о цене. Варшавские «ваньки» – еще те пройдохи и мошенники, а сам город наводнен сегодня шпионами самых разных мастей. – Видя, что поручик

мельком взглянул на висящие на стене часы, Баташов с сожалением промолвил: – Ну ладно, ступайте себе и передайте от меня привет своей кузине.

– Честь имею! – откланялся поручик и спешно зашагал по коридору, мелодично звеня шпорами.

Баташов даже несколько позавидовал этому молодому бесшабашному офицеру, которому сейчас, наверное, и море по колено. Он хотел улыбнуться ему вслед, но не смог. Тревога за сына свела скулы. В этот момент ему так захотелось увидеть близкого человека, которому можно было рассказать не только о трагедии, постигшей сына, но и поведать о будоражащих душу чувствах и мыслях, что он сразу же, не переодеваясь, как это делал обычно по вечерам, направился к Воеводину. Только ему он мог излить свое отцовское горе.

7

– В офицерский лагерь военнопленных меня доставили в полубессознательном состоянии, – начал свой печальный рассказ совсем еще юный прапорщик, которому на вид было не больше двадцати лет. Невысокий, худой, истощенный до предела офицер в жандармской форме большего размера казался бы птенчиком, случайно вывалившимся из гнезда и беззащитно чирикающим в окружении неведомого ему мира, если бы не лихорадочный блеск его потемневших от горя и ненависти глаз. Весь он был сжат, словно пружина, в готовности в любой момент выплеснуть на ненавистного врага всю свою ненависть, всю еще оставшуюся в этом худеньком тельце силу. – После обстрела позиций роты из тяжелых германских орудий, – глухо продолжал он, – все наши окопы и блиндажи были разрушены. Больше половины солдат моей полуроты оказались засыпанными землей или контуженными, но, несмотря на это, собрав все оставшиеся силы, мы отбили очередную атаку австрийцев. Следующий артналет был еще более продолжительным. Я помню только, как рядом прогрехотал взрыв. Очнулся уже в телеге, вместе с тремя другими ранеными офицерами нашего полка, под охраной двух австрийцев. Офицерский лагерь военнопленных располагался недалеко от Вены, но, несмотря на это, комендантом там был германский майор фон Трахтенберг, да и большую часть охраны составляли немцы. Как я потом узнал, майор был призван из запаса, и, наверное, поэтому от него пахло нафталином. По своей наружности напоминал он Пушкинского «скупого рыцаря». Особенно это было видно во время немецких праздничников, когда костлявую, высокую фигуру старика облегал старинного покроя кирасирский мундир, на его поясе был прикреплен длинный, волочащийся по земле палаш, на ногах необыкновенно высокие ботфорты с раструбами и огромными зубчатыми шпорами, а на голове торжественно сияла серебряная каска с конским хвостом. В первые же дни нашего пребывания в лагере мы узнали, что это по-немецки педантичный и в то же время непредсказуемый человек...

– Не встречался ли вам там поручик Баташов, Аристрах Евгеньевич? – нетерпеливо перебил прапорщика генерал.

– Нет, ваше превосходительство, – немного подумав, ответил офицер.

– А что представлял собой лагерь? – продолжил допрос жандармский полковник Стравинский.

– Наш лагерь находился на территории какого-то средневекового полуразрушенного замка, на просторном дворе которого разместились 12 досчатых 2-этажных барачков – «коробок», с плоскими крышами. Офицеры жили по четыре человека в небольших комнатках. Кругом лагерь обнесен двумя деревянными заборами из колючей проволоки. У заборов снаружи и внутри – парные часовые. Эти легкие, дачной постройки, бараки в жару от солнца накаливались так, что иногда было трудно дышать, а в пасмурные дни совершенно не держали тепла. Наверное, немцы строили эти бараки, рассчитывая на скорое окончание войны...

– Извините, прапорщик, – снова перебил рассказчика Баташов виноватым голосом, – вы хотели рассказать о нравах вашего коменданта. Я постараюсь вас больше не перебивать.

– Да-а, на всю жизнь запомнил я этого недочеловека в образе «скупого рыцаря», – задумчиво произнес прапорщик. – Однажды, гуляя по нижнему коридору, где помещалась охрана, мы стали невольными слушателями его «вдохновенной» речи к своим германским воинам. Майор истерически выкрикивал, обращаясь к солдатам, что «при малейшем неповиновении этих русских варваров (показал на нас) вы, как честные патриоты-немцы, без всякого сожаления, должны стрелять, ибо они – враги наши!» Что это не было пустой болтовней, мы вскоре убедились. Однажды после проверки, на дворе комендатура производила новые распределения пленных по комнатам. Кто-то из молодых офицеров не стал сразу в группу, куда он был назначен, а переходил из одной группы в другую, желая попасть в комнату со своими однополча-

нами. Заметив это издали, майор стал кричать на этого офицера, чтобы он стал в строй, Тот, не понимая по-немецки, продолжал ходить. Тогда майор громко скомандовал: «Wache!». Быстро выбежал на двор караул. Майор скомандовал: «Приготовиться к открытию огня!» Караул взял на изготовку и быстро зарядил ружья... Тогда старший в лагере полковник Русланов громко приказал русскому офицеру скорее стать на свое место. Лишь после этого немец приказал караулу уйти... Майор любил поиздеваться над пленными, иногда очень зло. Однажды фон Трахтенберг пригласил в лагерь офицеров немецкой пехотной бригады, командир которой, очевидно, был его приятелем. После обеда, в необычное для поверки время, раздалась команда: «Строиться на поверку». По коридорам забегали фельдфебели, громко призывая нас скорее выходить во двор. Встревоженные вышли мы все на место обычной поверки, построились, как всегда, и ждем. Раздалась команда: «Achtung!» Открылись ворота замка, и во двор во главе с нашим «скупым рыцарем» вошла толпа немецких офицеров, весело и непринужденно болтающих и курящих сигары, не обращающих на нас никакого внимания. И вдруг мы услышали полную сарказма фразу коменданта: «Вот это, господа, мой зверинец!» Впередистоящие, услышав эту фразу, начали громко передавать ее всем не понимающим по-немецки. Пленные офицеры, громко крича: «Это бессовестно! Вы не джентльмен! Вы сами зверь! Вы нарушаете международный закон о пленных!», – устремились прямо к коменданту. Майор пытался что-то возражать, но ему не дали говорить. Пленные, оставив строй, смешались с немецкими офицерами. Майор не на шутку перепугался.

Видно, так велик был конфуз перед гостями, что он даже забыл вызвать для порядка караул. Наши штаб-офицеры, сейчас же составив жалобу инспектору лагерей военнопленных на незаконные действия коменданта, тут же вручили ему эту бумагу. Но, скажу откровенно, сколько бы мы жалоб и претензий ни заявляли и устно, и письменно, не только ни одна из них не была удовлетворена, но ни на одну жалобу мы не получили никакого ответа...

– Что-то уж больно радужную картину плена вы рисуете, господин прапорщик, – недоверчиво промолвил жандармский полковник.

– Вы мне не верите? – возмутился молодой офицер, и в глазах его блеснули молнии.

– Я верю! – неожиданно поддержал прапорщика Баташов. – Это, скорее всего, показательный лагерь для инспекторов из Красного Креста и проверяющих. Немцы любят пустить пыль в глаза. Продолжайте, прапорщик, – подбодрил он офицера своим понимающим и сочувствующим взглядом.

– И в самом деле, в лагерь частенько навевывались делегации Красного Креста, сопровождавшие разных высокопоставленных особ. Понятно, что с такими военнопленными и в таких условиях контроля немцы старались обходиться относительно «аккуратно», однако все же не могли удержаться от репрессивных выходов. Совсем другой режим был в бараках, где под неусыпным контролем охранников находились так называемые репрессированные пленные офицеры, которые ранее пытались совершить побег или нарушали лагерный порядок. Из нашего лагеря в одну летнюю ночь бежали два офицера: штабс-капитан Рогачев-Маслов и поручик, не помню его фамилию, он прибыл с очередным группой пленных офицеров накануне. Знаю только то, что большинство офицеров из этой группы были захвачены австрийцами в Карпатах. Их поселили в крайний барак и запретили нам с ними общаться. Через несколько дней в 4 часа утра по тревоге был поднят весь лагерь. Немецкие фельдфебели и караульные с криком и ругательствами выгоняли нас на плац чуть ли не прямо с постели, не дав даже одеться. Как раз в это время шел проливной дождь. Некоторые офицеры, не успев одеться, укрылись от дождя одеялами или скатертями... Дождь лил и лил как из ведра! Мы все промокли до костей. Наконец через час немцы окончили свою поверку, и комендант лагеря объявил нам такое свое решение: «Пока не будут пойманы бежавшие два офицера, все военнопленные лагеря арестованы и должны безотлучно быть в своих комнатах, запрещается даже выглядывать в окна, и в нарушителей сего приказа часовые будут стрелять!»

Страшно возмущенные таким самоуправством коменданта и нарушением основного международного закона о военнопленных (право бежать военнопленного, и за побег наказывать нельзя) старшие в бараках во главе со старшим всего лагеря обратились к коменданту с протестом, но он на это не обратил никакого внимания. Единственно, что он приказал: «Для арестованных офицеров поставить „параши“ в самих бараках!»

Угроза стрелять в выглядывающих из окон была буквально исполнена наружным часовым у нашего барака: когда один офицер открыл окно, грянул выстрел, и пуля просвистела на волосок от головы этого офицера, ударившись в потолок...

– А что с беглецами? – снова нетерпеливо перебил прапорщика Баташов.

– Как в воду канули, – с неприкрытым восторгом в голосе ответил офицер. – Через неделю комендант отменил «строгий режим», и в лагере все стало, как прежде. Однажды, воспользовавшись тем, что часовые на воротах увлеклись игрой в кости, я проскользнул мимо них и, укрывшись за проезжавшей мимо замка крестьянской повозкой, груженной сеном, незамеченным добрался до ближайшего леса. Зная о жестоких нравах австрийских бюргеров, я как можно дальше обходил селения, старался идти по ночам, а днем отсыпался в безлюдных местах...

– А чем же вы питались? – сочувственно спросил Стравинский.

– После того как сбежали два наших офицера, я поставил перед собой цель во что бы то ни стало последовать их примеру. И начал готовить про запас хлеб и сухари. Их мне хватило суток на трое. А после я питался тем, что находил в лесу – ягодами да грибами...

– А вы помните в лицо тех офицеров, которые сбежали из плена? – задал неожиданный вопрос Баташов.

– Штабс-капитана Рогачева-Маслова я помню прекрасно, ведь мы вместе с ним первое время жили в одной комнате. А вот поручика я видел только дважды. Когда новую партию пленных заводили во внутренний двор замка, я заметил офицера с перевязанной головой. Второй раз я увидел его уже без повязки, за забором, отделявшим так называемое отделение «репрессированных» от остального лагеря. Он пытался поговорить со мной, но охранник тут же пресек это устремление, загнав его в барак. Через день он вместе со штабс-капитаном бежал через пролом в стене замка, который был заделан досками на скорую руку...

– Посмотрите, это не он? – с надеждой глядя на прапорщика, промолвил Баташов, доставая из внутреннего кармана фото, обернутое в пергаментную бумагу.

Офицер бережно развернул пергамент, взял фотографию и, подойдя с ней к окну, где было больше света, обрадованно воскликнул:

– Так это же и есть тот самый поручик, который бежал вместе со штабс-капитаном!

– Как это ни удивительно, Евгений Евграфович, но вы все-таки нашли своего сына, – радостно констатировал жандармский полковник. – Я же говорил вам, что для отчаяния нет никаких оснований...

– Нашел, – грустно промолвил генерал. – Но тут же потерял... Кто знает, где он сейчас. Ведь мы с вами прекрасно понимаем, что австрийские бюргеры любого, кто говорит по-русски, растерзать готовы. Я уже не говорю о солдатах и офицерах, бежавших из плена. От Аристарха вот уже больше полумесяца ни слуху ни духу...

– А он, может быть, как и я, без всяких документов сидит себе в каком-нибудь жандармском управлении до выяснения личности, – неожиданно вступил в разговор прапорщик.

– А что, может быть, и в самом деле? – воскликнул генерал и вопросительно посмотрел на полковника Стравинского.

– Может быть! Может быть, – неопределенно промолвил тот. – Я постараюсь сегодня же навести справки в прифронтовых жандармских управлениях. А вы, Евгений Аристархович, проверьте по своим армейским каналам.

– Это вы верно посоветовали, – обрадовался Баташов. – Ведь он, может такое быть, попал к нам без сознания от истощения или, чего хуже, от ран, и лежит где-нибудь в госпитале или санитарном отряде... Спасибо вам, прапорщик. Вы подарили мне надежду, – искренне промолвил генерал, – скажу откровенно, вы мне сразу чем-то понравились. Если вы не против, то, когда будут соблюдены все формальности, милости прошу ко мне. Такие, как вы, люди нам нужны.

– Благодарю за доверие, ваше превосходительство. Я подумаю над вашим предложением. В свою очередь скажу откровенно, что служба в вашем ведомстве меня не прельщает...

– Не принимайте скоропалительных решений. Я тоже не сразу согласился служить в генерал-квартирмейстерской службе. Когда известный в военных кругах генерал, соратник Скобелева, предложил мне после окончания Академии Генерального штаба работать в разведке, я сначала категорически отказался. И тогда этот мудрый человек сказал мне простые, но берущие за душу слова: «Помните, штабс-капитан: долг каждого солдата – жертвовать ради Отечества самым дорогим, что у него есть, то есть собственной жизнью. Однако поставить на кон свою честь иногда бывает труднее, чем умереть. Идите, и чтобы завтра ваш рапорт о переводе в генерал-квартирмейстерскую службу был у меня на столе!» Подумайте над этими словами истинного русского патриота. Если решитесь, то я приму вас с распростертыми объятиями.

Официально оформив передачу задержанного прапорщика из-под жандармской опеки в военную контрразведку, Баташов, сначала передел его в новенькую, со склада форму, которую предварительно захватил с собой, ориентируясь на описание, данное ему жандармским полковником. После этого они побывали в цирюльне, где офицер был приведен услужливым евреем в божеский вид. Только после этого он доставил прапорщика в разведочное отделение, поручив заботам ротмистра Телегина, который отвечал в контрразведке за работу с офицерами, освобожденными из вражеского плена и совершившими побег. Таковых было немного, и потому ротмистр за неимением подмены стал вечным дежурным. Поручение генерала несказанно обрадовало контрразведчика, который, соскучившись по реальному делу, резво взялся за несчастного прапорщика, мордуя его повторными допросами, всячески пытаясь загнать в угол неожиданными вопросами, так, как он это делал, еще работая в охранке и занимаясь различного рода революционерами и боевиками. Но, к его вящему удивлению, прапорщик был лаконичен и достаточно точен в своих показаниях, а неожиданные вопросы вызывали на его сосредоточенном лице лишь многозначительные улыбки: мол, знаю, чем вы тут занимаетесь, меня никакими вопросами в тупик не поставишь.

Определенно решив, в случае согласия, взять к себе прапорщика, Баташов, по раз и навсегда заведенной традиции «доверяй, но проверяй», попросил капитана Воеводина присутствовать на очередном допросе, который решил провести ротмистр Телегин в надежде наконец-то «расколоть» молодого офицера, которого он изначально подозревал во всех смертных грехах.

И только после авторитетного заявления капитана о том, что прапорщик искренен в своих ответах и что за время своего путешествия по тылам австрийской армии успел многое там увидеть и запомнить, Баташов распорядился следствие закончить и соответствующим образом оформить героические похождения прапорщика.

– Некоторые его наблюдения мне удалось сличить с данными разведки, – радостно доложил Воеводин через день после окончания расследования, – и знаете, Евгений Евграфович, почти все сходится один в один.

– А ты что, сомневался в правдивости показаний прапорщика?

– Откровенно говоря, было немного. Ротмистр Телегин мне столько про шпионские уловки наговорил, что я до сего момента не был полностью уверен и потому решил сличить показания прапорщика с данными разведки. Только в одном он, возможно, ошибается...

– В чем? – насторожился Баташов.

– Прапорщик докладывал, что в районе Торна он наблюдал огромное скопление немецких войск, и потому решил перейти линию фронта в более спокойном месте, в районе городка Калиш. А по имеющимся у нас данным, в районе Торна стоит всего-навсего ландверская бригада, усиленная артиллерийской батареей, в то время, как у Калиша противник сосредоточил целую пехотную дивизию...

– Это устаревшие данные, – прервал капитана Баташов. – Накануне я получил достоверные сведения о том, что на правом фланге нашего фронта сосредотачивается целая германская армия, в то время как в центре и на левом фланге сконцентрированы ландвер и австро-венгерская армия...

– Значит, прапорщик был прав, говоря о переброске немецких войск в район Торна. Это говорит о том, что противник не догадывается о наших намерениях, – сделал скоропалительный вывод капитан, глядя на карту, разложенную на столе.

– А, по-моему, здесь напрашивается другой вывод, – сказал генерал, многозначительно взглянув на Воеводина. – Если наступление пойдет по намеченному плану, то наши армии могут оказаться в мешке. Вот смотрите... – Баташов взял костяной нож для вскрытия пакетов, вырезанный из цельного моржового клыка, и провел им по контуру красной стрелы, направленной на Бреславль, а затем резко провел клыком линию из Торна в тыл второй армии, словно вонзая в спину нож. – Вот так будет действовать командующий 9-й германской армией генерал Макензен, – уверенно сказал он. – Этот пруссак в районе Мазурских озер уже показал нам, на что способен. Как вы знаете, тогда армию Ранненкампа чуть была не постигла участь армии Самсонова... По-моему разумению, необходимо остановить наступление на Бреславль и перебросить часть войск для усиления правого фланга второй армии, – после небольшой паузы задумчиво промолвил Баташов, склонившись над картой.

– Но зачем терять время для переброски войск с левого фланга на правый, ведь туда направляется шестой Сибирский корпус, да и первая армия в случае чего на подмогу придет, – задорно провозгласил Воеводин и, по-наполеоновски засунув руку за обшлаг мундира, победоносно взглянул на генерала.

– На Ранненкампа надежды мало, – сухо сказал Баташов, – он до сих пор не может отойти от поражения и теперь будет действовать еще осторожней, чем прежде.

– Да-а, – стушевался Воеводин, – вы, Евгений Евграфович, как всегда правы! Но почему командующий фронтом, зная обо всем этом, не остановит наступление?

– Удар по противнику планировала Ставка, и Данилов не собирается менять свой стратегический замысел.

– Но при чем здесь генерал-квартирмейстер Данилов? – удивился Воеводин. – Ведь решение, насколько я понимаю, принимает Верховный главнокомандующий, или начальник штаба, наконец...

– О-о, Иван Константинович, – покачал головой генерал, – ты еще многого не знаешь. В жизни, как известно, чаще всего королем управляет свита. Иные пажи, поддерживающие платье короля, держат и бразды правления. Вот так-то, капитан... Мотай себе на ус. Завтра я вместе с Бонч-Бруевичем и Рузским направляемся в Ставку, чтобы убедить Верховного хотя бы частично изменить план наступления и позволить Северо-Западному фронту нанести упреждающий удар в районе Торна. Но я не уверен в том, что нам это удастся...

– Но почему же? – самоуверенно произнес Воеводин. – Ведь генерал Рузский провел столько победоносных кампаний, что Главнокомандующий обязательно прислушается к его мнению...

– Твои бы слова да Богу в уши, – скептически взглянул на капитана Баташов. – В последнее время генерал Рузский сильно изменился, стал человеком осторожным и практическим. Будь я герольдмейстером, то начертал бы на его нынешнем гербе девиз: «Obnoxio fata implicat, et contumax, traxerunt».

- Откровенно говоря, я не силен в латыни, – смущенно признался Воеводин.
- В переводе с латыни это означает: «Покорного судьба везет, а строптивого волочит».

8

– Я рад приветствовать нашего варшавского триумфатора! – воскликнул Верховный главнокомандующий, выйдя из своего кабинета в приемную салон-вагона, где дожидались его прибывшие из Варшавы генералы. Он тут же облапил Рузского и трижды расцеловал его, явно смущенного такими громкими словами и вниманием самого великого князя.

– Ну что вы, ваше высочество, – пробормотал Рузский в ответ, – я только честно выполнил свой воинский долг.

– Император уже знает о вашем подвиге и при первом же посещении Ставки лично выразит вам свою благодарность.

– Все это стало возможным только благодаря стратегическому таланту вашего высочества, – польстил Верховному Рузский.

«...Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку...» – невольно пришли на ум Баташову слова из басни Крылова, и он усмехнулся про себя.

То ли заметив невольную усмешку Баташова, то ли поняв, что в своей похвальбе зашел слишком далеко, Рузский мгновенно стер со своего лица льстивую улыбку и, приняв обычный равнодушно-скучающий вид, деловито промолвил:

– Ваше высокопревосходительство, в преддверии предстоящего наступления я бы хотел внести в разработанный вами план небольшие изменения...

– С этим к Янушкевичу, – сразу помрачнел Николай Николаевич, – это его идея.

Великий князь, прежде чем уединиться в своем кабинете, окинул скучным непродолжительным взглядом прибывших вместе с Рузским генералов.

– Ваше высокопревосходительство, генерал-майор Бонч-Бруевич! Представляюсь по случаю награждения золотым Георгиевским оружием! Разрешите поблагодарить вас за эту святую для каждого воина награду! – сделал шаг вперед генерал-квартирмейстер Северо-Западного фронта.

– За заслуги! За ваши заслуги, – небрежно промолвил великий князь, пожимая потную от волнения руку кавалера.

Переведя взгляд на Баташова, он оскалил в скептической улыбке свой лошадиный рот.

– Ну что, генерал, наладил военно-контрольную работу?

– Ваше высокопревосходительство, силами разведочных отделений армий и корпусов обезврежены около сотни шпионов и диверсантов противника...

– Всего-то, – перебил Баташова Верховный главнокомандующий. – Не больно-то много наработали. А вот я одним росчерком пера убрал из прифронтовой полосы десятки тысяч настоящих и потенциальных шпионов и диверсантов. Пусть теперь шпионят на берегах Байкала. – Великий князь шумно рассмеялся своей шутке. Его тут-же поддержали своими льстивыми смешками Рузский и Бонч-Бруевич.

– Что, генерал, не весел, что буйну голову повесил? – закончив смеяться, обратился великий князь к помрачневшему контрразведчику.

– Мы делаем все, что в наших силах, – сухо ответил Баташов.

– А надо делать больше! Император, Отечество наше этого требуют! – выпренно выразился Николай Николаевич. – Если вам кто-то отказывает в помощи, телеграфируйте мне лично, – после небольшой паузы миролюбиво добавил он. – Прощаюсь с вами, господа, до обеда! – бросил Верховный через плечо, направляясь к услужливо распахнутой адъютантом двери кабинета. – А сейчас у меня очень срочные дела.

Как только великий князь скрылся за дверью, Рузский сделал удивленную мину и обрадованно промолвил:

– А я и не подозревал, что Ставка примет за крупный успех самые обычные наши действия по обороне польской столицы.

– Должно быть, Ставка настолько утомилась незначительными действиями фронтов, что Верховный неслучайно так бурно отозвался на удачу под Варшавой, – многозначительно ответил Бонч-Бруевич.

– Ну что ж, успех так успех! Пусть так и будет, – мудро заключил Рузский. – Может быть, этот факт поможет нам уговорить начальника штаба Ставки внести изменения в план предстоящей операции.

– Может быть, может быть, – неопределенно ответил Баташов и, заметив на себе недоуменный взгляд командующего, пояснил: – Данилов вряд ли откажется от своего стратегического замысла.

– При чем здесь Данилов? – удивленно воскликнул Рузский.

– Мне так кажется. А впрочем, вы сами скоро убедитесь в этом, Николай Владимирович. Встретимся у Данилова...

– Мне у него нечего делать, – заносчиво произнес генерал Рузский, – я доверю свои предложения по корректировке плана наступления только начальнику штаба Ставки.

Каково же было изумление Рузского, когда Янушкевич, услышав о необходимости внесения изменений в план предстоящего наступления, откровенно заявил:

– Ну уж по части стратегии, вы обратитесь к Юрию Никифоровичу Данилову, это его детище.

Ошарашенный таким советом, генерал понуро побрел к отдельно стоящему среди сосен зданию генерал-квартирмейстерской службы. На широкой, устланной плотным слоем хвои, посыпанной песком тропинке, скрадывающей шага, его вскоре нагнали Баташов и Бонч-Бруевич, направляющиеся к своему начальству с докладом.

– Не знаю почему, но вы оказались правы, – сказал Рузский, обратив к Баташову недоуменный взгляд.

– Все очень просто, Николай Владимирович, – словоохотливо отозвался Баташов. – Я был в Петербурге, когда в Ставке произошли первые назначения, и нисколько не удивился, когда вслед за утверждением начальником штаба Ставки Янушкевича генерал-квартирмейстером стал Данилов. Это давняя история. Михаил Дмитриевич не хуже меня знает об этом, – перевел он стрелки на Бонч-Бруевича.

– И в самом деле, – встрепенулся генерал-квартирмейстер, – для офицеров Генерального штаба не секрет, что, когда в марте 1914 года Янушкевич неожиданно для всех с должности начальника Николаевской военной Академии был назначен начальником Генерального штаба...

– Ну, это ни для кого не секрет, – скептически ухмыльнулся Рузский.

– Но это не все, – продолжал генерал-квартирмейстер. – Когда выяснилось, что начальник Генерального штаба гораздо моложе своего заместителя, Данилова, который еще с 1909 года состоял на должности генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, то, как человек до чрезвычайности деликатный, Янушкевич предоставил Данилову полную самостоятельность в своей области, не желая, как младший, своими действиями возбудить недоверие или скорее он не желал подвергать служебному контролю действия своего заместителя, которые он обязан был осуществлять. После объявления войны, при мобилизации, в штабе Верховного главнокомандующего они оказались снова вместе и в тех же взаимоотношениях, благодаря чему начальник штаба, вместо того чтобы быть связующим звеном между Верховным главнокомандующим и Даниловым, стучевался и подписывает теперь все телеграммы, составленные Даниловым без проверки. И как результат такого командования: вместо того чтобы на вражеских плечах вторгнуться в пределы Германии, мы постоянно топчемся на месте, ожидая с моря погоды...

– И в самом деле, – поддержал Бонч-Бруевича Рузский, – сколько ни просил я штаб Верховного главнокомандующего осуществить упреждающий удар в районе городка Торн, но конкретных указаний на этот счет до сих пор так и не получил...

– Ваше превосходительство, согласно директиве Верховного главнокомандующего, – гневно начал Рузский, лишь только переступил порог кабинета Данилова, – Северо-Западный и Юго-Западный фронты должны начать наступление одновременно, в то время как наши соседи к наступлению не готовы, четвертая и девятая армии до намеченных вами линий не дошли...

– Здравствуйте, уважаемый Николай Владимирович, – радушно приветствовал гостя хозяин кабинета, – разрешите поздравить вас с победоносной организацией обороны Варшавы. Все только и говорят о вас, как о любимце фортуны, – добавил он, с сияющей улыбкой идя навстречу Рузскому.

После жаркого рукопожатия и лестных слов в свой адрес генерал Рузский растаял и уже более мягким тоном, продолжал:

– Поймите же, уважаемый Юрий Никифорович, сосредоточение главных сил немцев на Торнском направлении требует изменения плана наступления...

– Мы знаем об этом и готовим новую директиву, – деловито сообщил Данилов.

– Но, насколько я знаю, Ставка не собирается менять направление главного удара и по-прежнему планирует одновременное наступление обоих фронтов, в то время как я уверен в том, что действия Юго-Западного фронта должны быть выделены в совершенно особую операцию, не связанную с Северо-Западным фронтом, иначе войска будут лишь мешать друг другу. Фронты попросту будут лишены возможности стратегического маневра. Обстановка требует срочно переправить на левый берег Вислы 2-й корпус 1-й армии и немедленно развернуть на север вторую и пятую армии. Необходимо не только перегруппироваться, но и по возможности нанести на Торнском направлении упреждающий удар...

– Вы забываетесь, ваше высокопревосходительство, – оборвал генерал-адъютанта Рузского Данилов. – Стратегический замысел операции – это прерогатива Ставки, и я не позволю вам вмешиваться не в свое дело. Знаете ли вы наши дальнейшие замыслы? В состоянии ли оценить всю полноту обстоятельств, существующих на нашем и на союзническом театрах военных действий?

– Нет, – только и смог промолвить Рузский, стоя навтыяжку перед грозным хозяином кабинета.

– А раз так, то не ломайте больше голову над проектами, а своевременно и точно выполняйте наши директивы, – сухо сказал Данилов. – Я не прощаюсь с вами. До встречи в вагоне-столовой великого князя, – после небольшой паузы, уже более теплым тоном добавил он. – Простите, но у меня на сегодня еще слишком много дел...

В вагоне-столовой великого князя каждый из приглашенных на обед имел свое место согласно чину и должности. Когда Николай Николаевич вошел, все встали со своих мест, стараясь поймать глазами добродушный взгляд великого князя.

– Господа, – восторженно провозгласил Верховный главнокомандующий, – я хочу сообщить вам радостную весть: между пятью и шестью часами в Ставку придет государь.

Офицеры шумно встретили эту неожиданную весть, и в ожидании фронтовых рюмок водки, которые официанты традиционно подавали на обед, все поглядывали на великого князя, который, так и не пригубив свой обычный бокал коньяку, принялся за холодную закуску.

Рузский, чье место оказалось за одним столом с Николаем Николаевичем и его братом, великим князем Петром Николаевичем, все еще переживая резкие, обидные слова Данилова, потянулся было к рюмке, до верха наполненной охлажденной водкой, но, вовремя заметив

осуждающий взгляд Петра Николаевича, резко сменил направление движения руки, направив ее к корзиночке с хлебом.

Баташов, сидя за столом напротив, незаметно наблюдал за командующим, который, казалось, чувствовал себя не в своей тарелке. И было от чего. Ласково встреченный Верховным главнокомандующим, он тут же был унижен его завистливыми заместителями. Такие обиды самолюбивый «Завоеватель Галиции и защитник Варшавы» не прощал никому...

Около пяти часов генерал Рузский, великий князь Андрей Владимирович, Бонч-Бруевич и Баташов вышли на платформу. Едва царский поезд прибыл на станцию, как дворцовый комендант генерал Воейков, чуть ли не на ходу выскочив из вагона, уведомил Рузского, что государь приглашает его к себе.

Минут через пятнадцать генерал-адъютант Рузский, сияя словно новый пятак, вышел из царского вагона и радостно провозгласил:

– Господа, Его Величество лично наградил меня орденом Святого Георгия 2-й степени. – Он достал из кармана роскошный футляр и показал врученный ему царем блистательный орден – белый крест на золотой звезде.

– Вам, Михаил Дмитриевич, я особо благодарен за помощь в организации и проведении оборонительной операции, так высоко оцененной императором, – расчувствовавшись, сказал Рузский, обращаясь к Бонч-Бруевичу. – Будьте уверены, что я не отпущу вас без Георгиевского креста.

– Я горячо благодарю вас за заботу, – смутился Бонч-Бруевич, – но это, право, лишнее...

– Каждый должен получить по заслугам! – назидательно промолвил Рузский и тут же забыл о своем обещании, так же быстро, как забыл и о цели, с которой приехал в Ставку.

Баташову, знавшему Рузского много лет, еще в довоенную пору, как одного из лучших генералов, верой и правдой заслуживших это высокое звание на полях сражений Русско-японской войны, за то время, что он служил в штабе Северо-Западного фронта, было прекрасно видно, как сильно изменился этот, еще недавно прямой и честный генерал, за те несколько месяцев, когда волей судьбы его неожиданно приблизили к высшим сферам. Возвеличенный сильными мира сего, он стал забывать о Боге и Отечестве, поставив все свои силы и талант полководца не для убережения своих солдат от неоправданных потерь, а в угоду «великих» стратегов Ставки...

С этими, далеко не радужными мыслями Баташов шел, опустив голову, к вагончику, отведенному для офицеров, прибывшим в Барановичи, по своим делам.

– Пошто детина не весел, пошто голову повесил? – оторвал вдруг его от мрачных размышлений знакомый голос однокашника по Академии Генерального штаба генерала Юдина.

– Ярослав Дмитриевич, дорогой, как я рад видеть тебя! – радостно воскликнул Баташов, крепко обнимая своего давнего товарища. – Как твое командование корпусом? Как поживает драгоценная Татьяна Мефодьевна? Дочерей небось уже всех замуж выдавал? – забросал он Юдина вопросами.

– Одна осталась, самая младшая, Юленька, – необычно ласково произнес имя дочери генерал-майор.

– Помню твою Юленьку, помню красавицу, – улыбнулся Баташов. – Неужели она себе добра молодца до сих пор не сыскала?

– Где уж там! Ей обязательно героя подавай. Такого, как твой Аристарх, – заметив, как при имени сына на лицо боевого друга вдруг легла невольная тень, Юдин, по-дружески обняв его за плечи, глухо промолвил: – Слышал я о твоём горе. Крепись! Главное верь, надейся, что Аристарх обязательно сыщется. Ведь не иголка же он! Я надеюсь, что ты уже послал запросы по всем фронтам?

– Не только по фронтам, но и жандармерию к этому подключил. Вот, жду результата, – промолвил Баташов.

– Знаешь что? Пошли ко мне, – предложил Юдин, подходя к вагону. – Мне недавно Татьяна Мефодьевна посылочку прислала. И, ты знаешь, там вместе с другими вкусностями оказалась и бутылочка щустовского...

– Да-а! Золотая у тебя супруга, – улыбнулся Баташов, – а моя все о здоровье моем печется...

– А Варвара Петровна знает? – спросил Юдин, когда они расположились за небольшим столиком в просторном купе вагона первого класса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.